

МАНГУП-ДОРΟΣ В ФЕМНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ

Валерий Евгеньевич Науменко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>*

Аннотация. Современная концепция истории Мангупского городища середины IX – середины XI в., когда крепость входила в состав византийской фемы в Крыму, была сформулирована А. Г. Герценом еще в 1990 г. В статье рассматриваются полученные за последние годы новые материалы археологических исследований памятника, которые позволяют внести в нее существенные коррективы. Приведенный в работе обзор археологических объектов и комплексов середины IX – середины XI в. на территории городища показывает, что на протяжении всего этого времени Мангуп-Дорос сохранял характер крупной, хорошо укрепленной византийской крепости, основная линия обороны которой проходила вдоль внешней кромки Мангупского плато. Очень важными являются впервые выявленные в ходе раскопок следы крупных ремонтов и реконструкций фортификационной системы крепости, датированные серединой IX в. и концом X в. Это свидетельствует о том, что поддержание в боевом состоянии оборонительной системы городища являлось одной из главных задач, возложенных на византийских военачальников и размещенный здесь воинский контингент. Внутрикрепостное пространство делилось на две функциональные зоны – жилой и хозяйственной застройки (до 50% общей площади) и свободной от застройки территории, которая могла использоваться как убежище для населения округа. Раскопки открытых участков жилой застройки указывают на их рядовой характер. Базилика, как и прежде, выполняла роль топографического, идеологического и административного центра поселения. По крайней мере, следов отдельного укрепленного центра (цитадели), присущего многим городам и крепостям Византийской империи, начиная со средневизантийского периода ее истории, на Мангупе до сих пор не обнаружено. На протяжении всего фемного периода население городища продолжало заниматься скотоводством и земледелием, но специализированными отраслями постепенно становятся виноградарство и товарное виноделие, ориентированные на экспорт. Занятия виноделием находились под контролем византийской администрации, о чем свидетельствуют находки стационарных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Дорос, византийская фема, турмарх, топотерит, Цула, византийский город

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю признательность руководителю Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета А. Г. Герцену за возможность использования неопубликованных материалов из раскопок памятника, а также ее многолетним сотрудникам – А. А. Душенку и В. К. Ганцеву, за помощь в подборе и оформлении иллюстраций.

MANGUP-DOROS IN THE THEME PERIOD OF ITS HISTORY

Valerii E. Naumenko

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>*

© Науменко В.Е., 2022

Abstract. The modern reconstruction of the history of the fortified settlement atop Mangup mountain from the mid-ninth to the mid-eleventh century, when it was a part of the Byzantine *theme* in the Crimea, was developed by A. G. Gertsen in 1990. This article discusses the new materials obtained by recent years of archaeological research of the site which allow significant corrections to it. The review of archaeological objects and complexes from the mid-ninth to the mid-eleventh centuries uncovered in the ancient town shows that Mangup-Doros continued to be a large, well-fortified Byzantine fortress, with the main defensive line running along the outer edge of the Mangup plateau. Very important are the traces of big repairs and reconstructions of the fortification system discovered by excavations and dated from the mid-ninth and late tenth century. They indicate that maintaining the defensive system of the settlement was one of the main tasks assigned to the Byzantine commanders and the military contingent stationed there. The intra-fortress space was divided into two functional zones, residential and industrial buildings (up to 50% of the total area) and the unbuilt territory, which could be a refuge for the population of the neighbouring area. The excavations of residential areas indicate their ordinary character. As in the previous period, the basilica was topographic, ideological, and administrative centre of the settlement. Specifically, archaeological research has not discovered traces of the fortified centre (citadel) at Mangup, though such centre was typical of many towns and fortresses of the Byzantine Empire from the Middle Byzantine Period on. Throughout the *Theme* Period, the population of the town in question continued cattle-breeding and agriculture, with viticulture and commercial winemaking oriented to exportation gradually became specialized branches. The Byzantine administration controlled the winemaking, as evidenced by the finds of stationary winepresses in the habitable zone of the fortress.

Keywords: Crimea, Mangup, Doros, Byzantine *theme*, *tourmarchos*, *topoteretes*, Tsoulas, Byzantine town

Acknowledgments: This work was financially supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119. I am grateful to the head of the Mangup Archaeological Expedition of the Crimean Federal University A. G. Gertsen for the opportunity to use unpublished materials excavated at the fortress and to the Expedition's years-long fellows A. A. Dushenko and V. K. Gantsev for the assistance with in selecting and designing of illustrations.

Современная концепция истории Мангупа-Дороса середины IX – середины XI в., когда крепость входила в состав византийской фемы в Крыму, была сформулирована А. Г. Герценом в его монографии 1990 г., а также в ряде более поздних статей [10, с. 133–138; 11, с. 32–33; 12, с. 104–105]. В целом ее характеризуют следующие тезисы:

- ярко выраженный византийский характер материальной культуры городища этого времени;
- типологически Мангуп рассматривается в качестве крепости-убежища с немногочисленным населением, редкими усадьбами и производственными комплексами, расположенными, главным образом, в ее восточной части, в районе мыса Тешкли-бурун (рис. 1);
- особая роль в занятиях местных жителей виноградарства и товарного виноделия;
- в качестве финальных событий периода констатируется военная или природная катастрофа первой половины – середины XI в., за которой следует длительное, вплоть до второй половины XIV в., запустение городища;
- несмотря на сокращение обжитой площади крепости, сооружения ее Главной линии обороны (далее – ГЛЮ), возведенные в конце правления императора Юстиниана I (527–565), продолжали находиться в боевом состоянии. На материа-

лах раскопок укреплений А.I, А.VIII и А.XIV установлен ряд крупных ремонтов крепостных стен Мангупа, которые были выполнены по инициативе Хазарского каганата, стремившегося, таким образом, сохранить политическое присутствие в регионе вплоть до середины X в.

В дальнейшем, по мере введения в научный оборот наиболее выразительных археологических комплексов из раскопок городища, отдельные сюжеты этой концепции неоднократно обсуждались [1, с. 209–210, 216–218; 26; 21]. Но ни в одной из указанных работ речь не шла о серьезном пересмотре ее основных положений.

Полученные за последние 10–15 лет новые материалы археологических исследований позволяют внести в сложившиеся представления о фемном периоде истории Мангупского городища довольно существенные коррективы.

Прежде всего, необходимо полностью отказаться от хазарского фактора, как определяющего его историю для второй половины IX – первой половины X в. Как теперь становится понятным, хазарский период в истории Мангупа был ограничен непродолжительным промежутком времени между восстанием населения Готии против хазар около 786–787 гг., описанным в Житии св. Иоанна Готского, и учреждением в Таврике фемы Климатов в 841 г., в состав которой вскоре после организации византийского военно-административного округа была включена Мангупская крепость [о хазарском и фемном периодах в истории Мангупа см.: 21, с. 616–627; 31, с. 193–197; о ранней истории византийской фемы в Крыму см.: 30, с. 475–497]. Соответственно, концом VIII – началом IX в., не позднее, сейчас должны быть датированы и все перечисленные выше примеры так называемых «хазарских» ремонтов укреплений Главной линии обороны городища [о результатах раскопок укреплений А.I, А.VIII и А.XIV, на которых в 1970–1990-х гг. были выявлены следы таких ремонтов, см.: 10, с. 107–119], что не исключает для некоторых из них и иной интерпретации. Показательной в этом смысле является проблема хронологии «чамнубурунского клада» из слоя ремонта укрепления А.I, состоящего из монет-имитаций солидов совместного правления Льва III и Константина V (720–741) и монеты с буквой «Бета» на аверсе и «крестом Константина» на реверсе [24, с. 126–133], выпуск которой сейчас относят ко времени Константина IV Погоната (668–685) [4, с. 254]. Клад и реконструкция укрепления датируется его издателями по-разному: 725–732 гг. [37, с. 258–264], 30–40-е гг. VIII в. [24, с. 133] или концом VIII в. [10, с. 109].

Другим важным заключением являются принципиально иные представления о размерах, топографии и характере Мангупского городища в IX–XI вв. Мангуп-Дорос, судя по картографированию известных, на сегодняшний день, археологических объектов, выглядит хорошо укрепленной крепостью с административным центром на месте или в непосредственной близости от Большой трехнефной базилики, практически сплошной жилой застройкой в восточной и центральной частях Мангупского плато и отдельными хозяйственными зонами, выделенными под производственные винодельческие комплексы [предварительный, но достаточно полный перечень этих археологических объектов см.: 33, с. 165–172]. Высокая

степень спланированности территории, регулярный характер застройки, наличие элементов городской инфраструктуры (улиц, городских свалок и пр.), подконтрольность местной администрации занятий товарным виноделием позволяет рассматривать Мангуп уже с IX в., по крайней мере, как формирующийся провинциально-византийский городской центр.

Нужно также сказать, что этот анализ данных археологии хорошо коррелируется со свидетельствами письменных, эпиграфических и сфрагистических источников, среди которых наиболее важными представляются строительная надпись 994–995 гг. с именем топотерита Цулы, сохранившаяся в обкладке башни укрепления А.ХI в ущелье Табана-дере [7], и два моливдовула императорского спафария и турмарха Готии Льва конца X – начала XI в. [43; 2, с. 566–567]. Надпись Цулы и печати турмарха Готии вместе с данными археологии ясно свидетельствуют о том, что с момента учреждения в Таврике около 841 г. византийской фемы и вплоть до первой половины XI в. Мангуп-Дорос рассматривался Византией в качестве важнейшей крепости в горной части Крымского полуострова, что подчеркивалось, в том числе, пребыванием здесь воинского контингента и фемных чиновников империи.

В статье представлены археологические аргументы данной гипотезы. Работа состоит из двух частей – обзора археологической ситуации на известных объектах IX–XI вв. на территории городища и общего анализа событий истории, топографии и основных функций Мангупской крепости в этот период времени на основе, главным образом, тех же материалов археологии.

О современной археологической карте Мангупского городища в IX–XI вв.

На Мангупском плато сейчас известно не менее восьми крупными архитектурно-археологическими объектами, в ходе раскопок которых в последние годы получены надежные сведения об их функционировании в этот период времени (рис. 2). Помимо Большой трехнефной базилики, кафедрального храма Готской епархии и одновременно главной архитектурно-топографической доминанты городища в эпоху раннего средневековья, в число таких объектов входят укрепления А.ХI и А.ХIV ГЛЮ, подвергшиеся кардинальной реконструкции по инициативе фемной администрации крепости, и четыре участка поселения, раскопанных на месте цитадели на мысе Тешкли-бурун, церкви св. Константина, дворца правителей княжества Феодоро 1425–1475 гг. и в верховьях Лагерной балки. На всех участках застройки выявлены строительные комплексы (далее – СК) с каменными стенами и черепичной кровлей, что свидетельствует об основательности этих построек и длительности их использования. Несколько условно в особую группу памятников выделены многочисленные (всего 15) стационарные скальные виноградодавильни (далее – МКВ – «Мангуп-Кале винодельня», аббревиатура, принятая с 2016 г. [22, с. 80]), открытые как на территории поселенческих структур, так и в пределах отдельной зоны вдоль южного обрыва плато. На общем плане Мангупа их расположение выглядит не случайным, явно тяготея к основным дорожным коммуникациям

своего времени, проходившим вокруг мыса Тешкли-бурун, по ущелью Демир-Капу, перекрытым укреплением А.ХІХ, и тальвегу балки Гамам-дере.

В целом, судя по картографированию археологических объектов, для фемного времени сейчас уже не наблюдается какого-либо значительного сокращения обжитых пределов памятника, в сравнении, к примеру, с ранневизантийским (середины VI – конца VIII в.) или феодоритским (около 1400–1475 гг.) периодами истории Мангупа, когда территория Мангупского плато использовалась в своих максимальных размерах [ср. карту городища на рис. 2 и его планы VI–VIII и XIV–XV вв. в монографии 1990 г.: 10, с. 259, 262, рис. 26, 30]. Более того, отдельные находки позволяют предполагать расширение в будущем археологической карты Мангупа для IX–XI вв. за счет территории мысов Елли-бурун, Чуфут-Чарган-бурун и даже Чамну-бурун, и, в таком случае, сложившиеся в историографии представления о Доросе как о крепости-убежище в это время могут быть расценены исключительно как теоретические допущения.

Ниже представлен обзор археологической ситуации для каждого из перечисленных крупных объектов фемного времени на территории крепости. С учетом ограниченного объема статьи, он носит самый общий характер и не содержит полного издания всех обнаруженных археологических комплексов и находок. Для этого, безусловно, необходимы отдельные публикации.

Цитадель на мысе Тешкли-бурун (рис. 3–4). Как известно, архитектурный ансамбль Мангупской цитадели в современном виде, включавшем мысовое укрепление, множество пещерных оборонительных казематов вдоль обрывов плато, Северо-восточный пещерный монастырь на оконечности мыса, ряд наземных и скальных храмовых комплексов («гарнизонная» церковь, октагональный храм, «церковь 2005 г.»), сложился лишь во второй половине XIV – начале XV в. и функционировал затем в качестве укрепленного акрополя городища вплоть до середины XVII в. [общее описание цитадели см.: 10, с. 143–146]. В качестве финального рубежа его формирования сейчас следует рассматривать сооружение около 1427 г. в центре мыса Тешкли-бурун октагонального храма, домашней капеллы правителей княжества Феодоро, что хорошо соотносится с заключительным этапом реконструкции цитадели в 1420–1430-е гг. и подчеркивает особенности архитектурно-планировочного облика и композиции ее внутренней застройки [20, с. 232–233]. Однако, как показали раскопки памятника, территория мыса использовалась населением на протяжении всей истории крепости, начиная с ее возведения в конце правления императора Юстиниана I (527–565).

Решающими для такого заключения являются результаты стратиграфических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун в 1998 и 2003 гг., полностью введенные в научный оборот [14; 19]. Здесь на площади раскопа около 100 м² удалось обнаружить, по сути, участок «городской свалки», функционировавшей на протяжении значительного периода в истории акрополя городища. Особенностью стратиграфической ситуации на участке исследований является высокая степень

стратифицированности выявленных культурных напластований, формирование которых отражает строительную активность на данном участке поселения на Мангупе в конце IX – начале X в., в 20-е гг. XV в. и в конце XVI – начале XVII в., в результате чего накопившийся к этому времени на территории мыса культурный слой периодически сбрасывался на его склоны. Разнообразные находки из этих «строительных сбросов» отражают практически все важные составляющие материального комплекса городища для периодов второй половины VI – VIII в., IX – первой половины XI в. и XIV–XV вв. Для характеристики интересующего нас горизонта фемного времени особо отметим присутствие в нем довольно многочисленной (26% от общего числа находок столовой керамики) коллекции византийской глазурованной посуды групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II» (далее – GWW-I и GWW-II) [14, с. 402–406; 19, с. 403–405, рис. 12,1–12,14–15]. Производившаяся в Константинополе, соответственно, в VII – первой половине IX в. и во второй половине IX – XI в. [в целом о ней см.: 48, р. 12–29; 52, р. 62–63, 74–77], в Крыму и Северном Причерноморье она встречается в основном при раскопках крупных городских центров Византии (Херсона, Сугдеи, Боспора, Таматархи и др.). В таком случае, ее присутствие в культурно-Чм слое Мангупа-Дороса явно свидетельствует о сохранении, по крайней мере, стабильных торгово-экономических связей населения городища с Византийской империей на протяжении всего этого периода.

Результаты исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун имеют также большое значение в связи с тем, что на территории самой цитадели в ходе систематических раскопок ее жилой застройки в 1969–1971, 1975–1981, 1990–2005 гг. на площади почти 2 тысяч м² были выявлены лишь отдельные участки культурного слоя IX–XI вв. и связанных с ним сооружений, сильно пострадавшие в процессе более позднего строительства. До полной публикации материалов раскопок любые категоричные выводы о размерах и характере этого поселения нам представляются преждевременными, но некоторые наблюдения здесь привести необходимо.

При всей сложности стратиграфической ситуации, у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели, на краю обрыва, обращенного в сторону балки Капудере, еще в 1976 г. удалось открыть часть постройки, погибшей в пожаре первой половины XI в. [17]. Обращает внимание капитальный характер здания, сложенного из среднего и крупного размеров камня, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, и перекрытого черепичной кровлей, а также длительный период его использования. Из слоя разрушения постройки, помимо датирующих находок – фрагментов высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [35, с. 63–66], амфор типа Гюнзенин 2 [47, р. 26–27, fig. 13–14], керамики группы GWW-II, извлечены фрагменты сосудов группы GWW-I и серебряная монета Константина IV Погоната (668–685), что позволяет предполагать ее строительство в конце VII – начале VIII в. или несколько позднее и отсутствие значительного хронологического разрыва между поселенческими структурами ранневизантийского и фемного времени в этой части Мангупского городища.

Несмотря на то, что из почти 30 зданий с каменными стенами, раскопанных за многие годы на участке исследований цитадели, постройка 1976 г. остается единственной для фемного периода, сомневаться в функционировании здесь достаточно плотной застройки в это время не приходится. Об этом свидетельствуют регулярные находки, пусть и в переотложенном состоянии, строительной, тарной и бытовой керамики IX–XI вв. на всей площади раскопа, в том числе уже упомянутой маркерной глазурованной керамики групп GWW-I и GWW-II [показательные, но не полные в количественном отношении сводки последней см.: 38, с. 176–179, рис. 2; 18, с. 257–259, рис. 1].

Дополнительные сведения о размерах и характере поселения IX–XI вв. на месте Мангупской цитадели дает изучение пяти открытых здесь скальных виноградодавилен. Как уже отмечалось, большинство из них на общем плане городища тяготеют к западному обрыву мыса Тешкли-бурун, в направлении основной дороги на поверхность Мангупского плато, но это не единственное наблюдение. Расположенные в непосредственной близости друг от друга крупные виноградодавильни МКВ-4 и МКВ-5 свидетельствуют о том, что в это время территория поселения на мысу охватывала также современную эспланаду цитадели и, скорее всего, продолжалась в направлении верховий балки Капу-дере (рис. 2, 6–7; 5). Почти полностью срубленная винодельня МКВ-9 на месте октагона показывает не только масштаб подготовительных работ при сооружении храма, связанный с рубкой верхних пластов скальной дневной поверхности, но и те значительные изменения в топографии акрополя городища, в сравнении с современными [20, с. 240–241, ил. 4; 6]. Важность раскопок МКВ-10, перекрытой зданием № 15 феодоритского периода (XV в.), заключается в том, что находки из ее засыпи позволяют надежно археологически датировать период функционирования тарапанов Мангупа в пределах второй половины IX – первой половины X в. (об этом ниже). Наконец, «винтовой пресс» МКВ-12, от которого сохранились в виде буквы «Н» лишь скальные подрубки под станины его деревянной конструкции, указывает на несколько технологических стадий при переработке виноматериалов (рис. 6) [22, с. 82].

Присутствие большого числа стационарных виноградодавилен на мысе Тешкли-бурун определенно свидетельствует о рядовом характере данного участка поселения в фемное время. Это заключение хорошо согласуется с еще одним результатом многолетних раскопок – отсутствием здесь каких-либо следов фортификационных, общественных и храмово-погребальных комплексов IX–XI вв. Поэтому единственным в этой связи вопросом, требующим дополнительного обсуждения, остается объяснение причин обилия импортной византийской поливной керамики VII–XI вв. на участке исследований Мангупской цитадели, чего совершенно не наблюдается при раскопках многих других районов городища, за исключением, пожалуй, Большой трехнефной базилики.

Церковь св. Константина. Раскопки памятника показали, что на месте квартальной церкви XV–XVI вв. и вокруг нее в фемный период истории Мангупа функционировала разнообразная застройка (рис. 7) [об истории изучения комплекса:

16, с. 236–238]. Еще в 1973 и 1993 гг. к востоку от храма, на территории его некрополя, были выявлены две скальные виноградодавильни МКВ-8 и МКВ-14 с общей ориентацией по оси запад-восток в направлении верховий балки Гамам-дере (рис. 8). Вполне возможно, что эта порядовка имела продолжение, однако, для подтверждения данного наблюдения необходимы новые раскопки прихрамового некрополя.

В 1998 и 2000 гг. в ходе изучения того же некрополя церкви св. Константина были выявлены подстилающие его слои разрушения и функционирования раннесредневековых усадеб, сильно поврежденные нижним ярусом христианских захоронений. Наиболее поздними находками из раннесредневековых напластований являются фрагменты поливной керамики группы GWW-II, «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 и высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [об их хронологии подробнее см.: 28, с. 43, 46–47], изредка встречаются обломки салтово-маяцких горшков, что в целом позволяет датировать открытый строительный ярус в широких пределах IX–X вв. С ним, очевидно, связан византийский моливдовул X в. с изображением процветшего креста на лицевой стороне из верхнего культурного слоя кладбища [13, с. 60].

Однако, наиболее важным археологическим объектом интересующего нас исторического периода является полностью раскопанный в 2003–2004 гг. на площади жилого квартала к северо-западу от церкви св. Константина многокамерный строительный комплекс общей площадью около 100 м², особенностью которого является сочетание салтовских и провинциально-византийских элементов материальной культуры (рис. 7) [его полную публикацию см.: 15]. К числу первых относятся общая заглубленность земляных полов помещений относительно окружающей дневной поверхности и обкладка камнем бортов их котлованов, постановка стен на грунт, техника «кладки в елку», ко вторым – одновременное использование конструктивных строительных приемов, не характерных для салтовского населения Крыма (связующий раствор, крупные блоки в углах, дверных проемах, нижних рядах стен, перевязь углов строений, трехслойная двупанцирная с забутовкой техника кладки и пр.). Также двойственен археологический комплекс находок из заполнения открытых помещений и хозяйственных ям, в котором наряду с высокогорлыми кувшинами, различными типами «причерноморских» амфор, местной и византийского происхождения бытовой керамикой присутствуют типичные для салтово-маяцкой археологической культуры гончарные горшки со сплошным гребенчатым рифлением тулова. Предложенная при публикации материалов раскопок датировка здания в пределах середины IX – начала X в. остается без изменений, что позволяет связывать его появление, скорее всего, с мирной фильтрацией салтовского населения на Мангуп в начале фемного периода его истории.

Находки синхронных и более поздних византийских монет из верхних культурных горизонтов на участке исследований, Василия I (867–886), Романа I Лакапина (920–944), Романа II (959–963) и Иоанна Цимисхия (969–976) [15, с. 245], позволяют предполагать функционирование квартала у церкви св. Константина вплоть до конца X в. Как и в случае с участком застройки Мангупской цитадели, эта поселенческая структура имела характер рядовой застройки на территории крепости.

Дворец. Застройка интересующего нас периода на Мангупе, на сегодняшний день, лучше всего изучена на материалах многолетних систематических археологических исследований княжеского дворца 1425–1475 гг., расположенного в центральной части городища, приблизительно в 300 м к востоку от трехнефной базилики (раскопки 2006–2010, 2014–2021 гг.). Одним из главных их результатов стало открытие нескольких строительных ярусов додворцового времени на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро, в том числе середины IX – середины XI в. (рис. 9) [23, с. 56].

По итогам раскопок, горизонт фемного периода включает девять жилых строительных комплексов, открытых на всей территории участка исследований общей площадью около 3 тысяч м² и перекрытых сооружениями дворцового времени – под помещением L (СК-1, 2008 г., засыпь скального сооружения, 4-й и 5-й слой), к юго-востоку от помещения F (СК-2, 2009 г., квадрат № 10-14, засыпь скального сооружения, 9-й слой), к западу от помещения H (СК-3, 2015 г., заполнение скального сооружения, 2-й слой) [опубликован: 32, с. 204–205, 226–232, рис. 12, 17, 38–48], к северу от помещения J (СК-4, 2017 г., квадрат № 30-31, 8-й и 9-й слой), под помещением N (СК-5, 2018 г., квадрат № 42, 7-й и 8-й слой), «скальное сооружение» (СК-6, 2018 г., квадраты №№ 32 и 36, 2-й слой заполнения), СК-7 в северо-западной части помещения В и в квадратах №№ 34 и 46 (2007, кладки №№ 31, 58 и 59, 7-й слой; 2021 г., кладки №№ 121, 123 и 124, 8-й слой), СК-8 в квадрате № 35 (2021 г., кладки №№ 97, 98 и 126, 8-й слой), СК-9 в квадрате № 47 (2021 г., кладки №№ 115 и 125). Несмотря на общую плохую сохранность, все они являются примерами одно-, двух- или многокамерных зданий с каменными стенами, сложенными вперевязь, на известковом связующем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной 0,60–0,80 м, и перекрытых черепичной кровлей. Полы построек земляные, покрытые толстым слоем известковой обмазки, либо скальные, пониженные по отношению к окружающей поверхности. Очень важным является открытие на Западном участке исследований дворца, вокруг СК-7, СК-8 и СК-9, участка спланированной и хорошо выровненной дневной поверхности IX–XI вв. площадью около 200 м² и мощностью до 20 см (слой № 8 в стратиграфии памятника), которая, как и многочисленные следы ремонтов и перестроек сооружений, свидетельствует о длительности функционирования квартала (рис. 10). Рядом со строениями выявлены 10 хозяйственных ям (№№ 56–57, 60–63, 77–79, 81), выкопанные в накопившемся культурном слое либо вырубленные в скальном материке. Большинство из них, вероятно, предназначались для установки пифосов.

В северной части раскопа расположены еще два объекта, имеющие прямое отношение к застройке фемного времени на месте Мангупского дворца – скальная виноградавиля MKB-15 и улица шириной 3,00–3,50 м, фрагмент которой открыт на протяжении 13,40 м между кладками №№ 122 и 123 (рис. 11, I). Об улице надо сказать особо, так как в процессе исследований установлено, что, как планиграфическая структура в этой части городища, она функционировала на протяжении всего периода раннего средневековья, с момента появления здесь поселе-

ния в середине – второй половине VI в. и вплоть до первой половины XI в. В стратиграфии ее заполнения это подчеркивается несколькими уровнями разновременного черепично-щебнистого и каменного мощения; наиболее поздний горизонт мощения, в виде брусчатки из мелкого камня, уложенной на известковом связующем растворе на поверхности 8-го слоя, соответствует ярусу жилой застройки IX–XI вв. (рис. 11,2). Другое наблюдение касается строгой ориентации улицы по оси восток-запад, по направлению, очевидно, к Мангупской базилике. Это обусловлено не только близостью расположения центрального собора крепости, но и особенностями топографии участка исследования, рельеф которого определялся несколькими структурными скальными ступенями, плавно понижающимися по оси юг-север. Вдоль этих ступеней также, как правило, располагались и жилые постройки.

Фемная застройка на месте дворца начинает складываться еще в первой половине – середине IX в., накануне или вскоре после включения Мангупской крепости в состав византийского военно-административного округа. Она формируется с учетом трассы существовавшей здесь с ранневизантийского времени улицы, рядом с которой обнаружены наиболее ранние объекты, перекрытые впоследствии 8-м слоем. Среди них наиболее показательным является хозяйственная яма № 81, вырубленная вблизи кладки № 123, южной границы улицы, с уровня сильно разрушенной скалы. В плане она имеет подоовальную форму общими размерами 1,83x1,31 м и глубиной до 0,70 м; на дне зачищена округлая вырубка с трапецевидным профилем, возможно, для установки пифоса. Заполнением является однородная засыпь плотного светло-серого грунта, напоминающего, по структуре и цвету, 8-й слой на площади раскопа. Структура комплекса находок из заполнения ямы приведена в статистической таблице 1 (рис. 12).

Таблица 1. Дворец. 2021 г. Квадрат № 47. Хозяйственная яма № 81. Заполнение. Основные категории находок

Plate 1. Palace. 2021. Excavation trench no. 47. Storage pit no. 81. Infill. Main categories of the finds

№ п/п	Категории керамических находок	Кол-во	Процентное соотношение
1	Керамиды и калигтеры IX–X вв.	56	37,6%
2	Пифосы без точной атрибуции	8	5,4%
3	Ранневизантийские амфоры («примесь снизу»)	2	1,3 %
4	Византийская светлоглиняная амфора группы «Globular Amphorae»	50	33,5%
5	Амфоры класса 36 по ХК-95 группы ЮЗК	20	13,4%
6	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII–X вв.	12	8%
7	Кувшины «скалистинского типа» VII–IX вв.	1	Менее 1%
	Всего:	149	100%

Из таблицы хорошо видно, что датирующую группу составляют более 90% находок – фрагменты красноглиняной черепицы (рис. 12,1–5), «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95 (рис. 12,9–11), лепной керамики с подработкой на гончарном круге (рис. 12,12–14) и кувшинов «скалистинского» типа (рис. 12,15). Особо отметим археологически целый экземпляр светлоглиняной круглодонной желобчатой амфоры с коротким цилиндрическим горлом и отогнутым округлым венчиком, сформованной из рыхлого глиняного теста с обильной примесью шамота, хорошо видимой на сколах и поверхности изделия (общие размеры – 41,0х20,0 см) (рис. 12,8). По цвету, структуре глиняного теста, характеру обработки поверхности она отличается от хорошо известных желобчатых «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95. Скорее всего, речь идет о пока еще слабо изученных на памятниках VIII–IX вв. в Крыму византийских амфорах группы «Globular Amphorae» [подробнее о них см.: 52, р. 60–61; 45, р. 307–326; 51, р. 874–875; 53, р. 285–310; 50, р. 195–216]. Среди индивидуальных находок выделим крупные фрагменты крышек от пифосов, изготовленных из мергелевых плиток и глины (рис. 12,6–7), заготовку изделия из трубчатой кости животного (рис. 12,16), дно от рюмки из зеленого прозрачного стекла (рис. 12,17) и целую железную втульчатую мотыжку с подквадратным рабочим краем (рис. 12,18). Последняя является редким примером комплекса сельскохозяйственных орудий на Мангупе средневизантийского времени. В целом, на основании стратиграфических наблюдений и анализа найденного материала, археологический комплекс может быть датирован первой половиной – серединой IX в.

К концу IX – началу X в. квартал приобрел окончательную планировку. К этому времени относится сооружение всех крупных строительных комплексов на площади раскопа (СК №№ 3–7), которые продолжали функционировать на протяжении X в. Самыми поздними археологическими объектами на площади раскопа, датируемыми концом X – первой половиной XI в., являются СК-8 и хозяйственные ямы №№ 77–78.

В целом строительный ярус фемного периода отличается высокой степенью спланированности территории, градообразующими элементами которой выступают улица и крупные жилые усадьбы, каменным домостроительством и стандартизированным керамическим комплексом, для которого характерны «причерноморские» амфоры, высокогорлые кувшины, кувшины «скалистинского» типа, местные гончарные и лепные сосуды и крайне редкими являются византийская поливная посуда группы GWW-II и салтово-маяцкая керамика. Исключением в этом смысле является СК-5, из пола и слоя разрушения которого происходит довольно многочисленные фрагменты типичных салтовских горшков со сплошным гребенчатым рифлением тулова, однако, это вопрос отдельного исследования.

Для установления общей хронологии функционирования фемной застройки на месте дворца также важным является анализ нумизматической коллекции из его раскопок. Она немногочисленна (всего 16 экз.) и представлена монетами от сиракузских фоллисов Льва V Армянина (813–820) и херсоно-византийских номиналов

с монограммой ПХ времени Михаила III (842–867) до анонимного фоллиса (класса В) Романа III Аргира (1028–1034) [подробнее см.: 34, с. 172–173, рис. 3,1–8].

Обращает внимание практически полное отсутствие среди находок предметов вооружения и изделий, указывающих на высокий социальный статус их владельцев. За многие годы раскопок найдены лишь два византийских моливдовула, из которых один – печать Григория, императорского спафария и архонта Херсона первой половины IX в., уже опубликован [3, с. 123, рис. 2]. Все это, несмотря на близость к базилике, административному и идеологическому центру крепости в эпоху раннего средневековья, свидетельствует о рядовом характере открытой застройки. Занятиями жителей квартала являлись товарное виноделие, скотоводство, зерновое хозяйство [9], а также разнообразные домашние промыслы.

Лагерная балка. Открытый еще в 1970-х гг. участок поселения в этой части Мангупского плато всегда рассматривался в качестве примера застройки III–VIII вв. в истории городища. В начале XV в. территория ранневизантийского квартала была использована при строительстве стены и одной из башен (В-8) Второй линии обороны крепости [10, с. 133–134]. Однако, в 2007–2008 гг. на эспланаде башни был раскопан двукамерный строительный комплекс (СК-3) с каменными стенами, вымощенным полом и черепичной крышей площадью не менее 60 м², который функционировал во второй половине IX – начале X в. (рис. 13,1–2). Черепичная кровля из слоя разрушения постройки, датированного фрагментами и археологически целыми формами «причерноморских» амфор и высокогорлых кувшинов, уже опубликована [27]. Из комплекса также происходит уникальная для Мангупа бронзовая литая херсоно-византийская монета с изображением греческой буквы «альфа» с наклонной переключиной на аверсе и равноконечного креста с расширениями на концах (так называемый «Крест Константина») на реверсе (рис. 13,3). В случае ее традиционной датировки временем Михаила III (842–867) находка становится важным указанием на сооружение здания около середины IX в., то есть вскоре после включения крепости в состав фемы [5, с. 115, 158, табл. XXIII,337; 36, с. 285, табл. II-1]. Иная атрибуция монеты такого типа – правление императоров Анастасия II (713–715) [42, с. 193–194, рис. 1,3], Никифора I (802–811) или Михаила II (820–829) [39, с. 190–192, рис. 3], позволяет рассматривать ее в качестве источника для реконструкции денежного обращения городища в конце ранневизантийского или в хазарский период его истории. В любом случае, ценность находки заключается в том, что она, в отличие от других опубликованных экземпляров, имеет ясные условия происхождения.

Здание фемного периода в Лагерной балке было возведено на фундаментах строительного комплекса ранневизантийского времени (СК-4), сложенного в аналогичной строительной технике и использовавшегося до конца VIII – начала IX в. включительно. Это еще раз указывает на отсутствие значительного разрыва в хронологии существовавшей на Мангупе жилой застройки на протяжении всего периода раннего средневековья.

Скальные виноградодавлильни. Начиная с 2016 г., их обследование является одним из направлений деятельности экспедиции [22]. В пределах Мангупской крепости,

на сегодняшний день, известно 14 стационарных винодельческих комплексов, еще один был открыт Е. В. Веймарном под южным обрывом Мангупского плато в 1954 г. (МКВ-6) (рис. 2,3–15,18,20).

Как уже отмечалось, картографирование выявленных на городище виноградавилен позволило выделить две крупные локальные группы памятников вблизи основных дорожных коммуникаций крепости в это время – на западном склоне мыса Тешкли-бурун (МКВ-4–5, 9–10, 12) и вдоль южного склона плато, в направлении ущелья Демир-Капу (МКВ-1–3, 7–8, 11, 13, 14). Открытая на месте дворца МКВ-15 также тяготеет к одной из главных дорог в крепость, проходившей по тальвегу балки Гамам-дере. Еще одним важным наблюдением является присутствие в составе групп тарапанов по одному винтовому прессу (МКВ-11 и МКВ-12), что свидетельствует о нескольких этапах переработки виноматериалов. МКВ-11, размещенная в центре искусственного скального сооружения (подвала наземной постройки) (рис. 14,3–4), подтверждает высказанное ранее предположение о наличии вдоль южного обрыва Мангупского плато раннесредневековой жилой и хозяйственной застройки [6, с. 130], хотя ее характер и планировка остаются совершенно не ясными.

Выявленное местоположение стационарных винодельческих комплексов на территории городища, близость их конструктивных элементов и размеров, товарный характер производства вина свидетельствуют о том, что местное виноделие находилось под строгим контролем администрации крепости, ориентировалось на экспорт продукции и могло быть организовано в таком виде только в относительно непродолжительный промежуток времени, скорее всего, во второй половине IX – первой половине X в., когда Мангуп-Дорос входил в состав византийской фемы. Это заключение представляется наиболее оптимальным в свете многолетних исследований данной группы памятников и подтверждается результатами раскопок единственного презентабельного археологического комплекса – засыпью виноградавилены МКВ-10, расположенной в центральной части квартала у тыльной стороны Мангупской цитадели (рис. 2,4).

Виноградавиля МКВ-10, полностью исследованная в 2001 г., была открыта в ходе раскопок однокамерного здания № 15, функционировавшего в течение XV в. (рис. 14,1–2). При строительстве последнего его южная стена (кладка № 133) прошла через давящую площадку винодельни, которая к этому времени была уже давно засыпана. Заполнением МКВ-10 является однородный плотный серый грунт мощностью от 0,28–0,34 м на площади тарапана и до 0,70–0,80 м в пределах суслоприемника, что указывает на единовременность нивелировочной засыпи. Выделенные в процессе работ верхний и нижний горизонты заполнения суслоприемника отличаются цветовыми оттенками, но это не имеет принципиального значения для решения вопроса хронологии комплекса. Более важным представляется наблюдение об идентичности археологических комплексов находок из засыпи давящей площадки и обоих слоев заполнения суслоприемника МКВ-10, что позволяет объединить их в единую статистическую таблицу 2.

Таблица 2. Цитадель. 2001 г. Квадрат А. Здание № 15. МКВ-10. Заполнение тарапана и суслоприемника. Основные категории находок**Plate 2.** Palace. 2021. Excavation trench A. Building no. 15. МКВ-10. Infill of a winepress and juice container. Main categories of the finds

№ п/п	Категории керамических находок	Кол-во	Процентное соотношение
1	Строительная керамика (керамиды и калиптеры)	320	56%
2	Пифосы, амфоры и тарные сосуды без точной атрибуции	44	7,7%
3	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95	4	менее 1%
4	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	113	19,8%
5	Кухонные гончарные горшки	62	10,9%
6	Столовые ангобированные сосуды	22	3,8%
7	Византийская глазуванная керамика группы GWW-II	4	менее 1%
	Всего:	569	100%

Датирующий характер в комплексе имеют фрагменты высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 (рис. 15,1–12,21; 16,2–14) и глазуванной керамики группы GWW-II (рис. 15,27; 16,20–21). Принципиальным для установления точной хронологии является обилие высокогорлых кувшинов (около 45% среди бытовой керамики) и крайняя редкость более ранних находок. Это позволяет надежно отнести засыпь виноградодавильни ко второй половине X в. Вероятно, к этому времени МКВ-10, как и другие тарапаны Мангуа, перестала использоваться. Также обращает внимание разнообразие бытовой (кухонной) посуды с закопченной поверхностью от длительного пребывания в огне. По составу глиняной формовочной массы, выделяются горшки с обильной примесью пироксена и кварцевого песка (рис. 15,14–17,22–26; 16,15) и более плотным черепком с примесью известняка, карасана и мелкого песка (рис. 15,13,18,20; 16,1,16,17). Из остальных находок отметим фрагменты небольшого красноглиняного пифоса (рис. 15,19), оригинальное дно миски на кольцевом поддоне, украшенное защипами (рис. 16,19), и сложно профилированный венчик от столового ангобированного кувшина (рис. 16,18).

Укрепление А.XIV Главной линии обороны крепости. Данное укрепление, состоящее из трех куртин (А, Б, В) и перекрывающее со стороны балки Гамам-дере пологую часть северо-восточного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун, является одним из самых изученных в системе ГЛЮ Мангупской крепости. Исследования 1970–1990-х гг., которые велись, главным образом, в районе восточной куртины А, выявили первоначальную (середины VI в.) линию крепостных стен и ее серьезную реконструкцию в период пребывания Мангуа под властью хазар в конце VIII – начале IX в. Этими же работами зафиксированы следы ремонтов укрепления во время османской осады 1475 г. [10, с. 109–114, 139–140, 150–153, рис. 6–14].

Новые раскопки памятника в 2007–2014 гг., сосредоточенные у тыльной стороны расположенной к западу куртины Б, позволили установить еще один кардинальный

ремонт на данном участке обороны Мангупского городища в промежутке между «хазарской» реконструкцией и событиями XV в. На площади раскопа около 200 м² была открыта поздняя крепостная стена протяженностью около 18 м (кладка № 1), перекрывшая ранневизантийское укрепление (кладку № 1). Археологический комплекс находок из слоя строительства и единовременной нивелировочной засыпи пристенного участка стены (раскопки 2009–2010 гг., слой № 3), в котором преобладают фрагменты высокогорлых кувшинов класса 4I по ХК-95 (более 80% от общего числа бытовой керамики), датируют сооружение новой куртины второй половиной или, скорее, даже концом X в. [33, с. 170, рис. 3,2; 4].

Укрепление А.ХI Главной линии обороны крепости. Наряду с укреплением А.ХIV является одним из наиболее важных укреплений Северного фронта ГЛО Мангупа, полностью перекрывая ущелье Табана-дере, по которому в древности проходила одна из главных дорог в крепость. Из-за отсутствия данных археологии сооружение крепостной стены в историографии, чаще всего, определялось содержанием упоминавшейся строительной надписи с именем Цулы, открытой еще в 1901 г. в кладке оборонительной башни. Вслед за В. В. Латышевым, она датировалась 1503 г., что позволяло рассматривать укрепление А.ХI как один из элементов обороны Мангупа в османское время [10, с. 129, 154; здесь же подробная история изучения надписи и укрепления].

Относительно недавно А. Ю. Виноградовым было предложено новое прочтение надписи – «Построена эта стена во дни местоблюстителя [топотерита] Цула-бега, сына Полета, в 6503 году [=994–995 гг.]», что сразу было принято специалистами [7, с. 263]. Он же, рассматривая новую хронологию эпиграфического источника как указание на время строительства укрепления в Табана-дере, отметил необходимость археологических исследований на памятнике для решения этого дискуссионного вопроса [8, с. 284].

В 2020 г. укрепление А.ХI впервые было всесторонне исследовано, в том числе археологически. Эти работы позволили отнести время его сооружения к ранневизантийскому периоду в истории Мангупа, скорее всего, к 50–60-м гг. VI в. После включения крепости в состав византийской фемы укрепление дважды серьезно ремонтировалось – около середины или в начале второй половины IX в. (шурф № 3, развал «причерноморских» и византийских «глобулярных» амфор на 4-м слое) и в самом конце X в. (содержание надписи Цулы 994–995 гг.) [материалы раскопок полностью изданы: 25].

Базилика. Результаты раскопок базилики М. А. Тихановой в 1938 г. свидетельствуют о ее непрерывном использовании в качестве центрального храма крепости на протяжении VI–XV вв. Однако, вещественные находки IX–XI вв., по всей видимости, изданы выборочно, что не позволяет детализировать хронологию археологических комплексов [40, с. 344, 363, 365, 377, 383, 386, рис. 20,н; 30,а-б,е-к; 32]. Пожалуй, единственным несомненным фактом перепланировки базиликального комплекса в это время, осторожно отнесенной автором раскопок

к X в., является перестройка ранней крещальни в часовню [40, с. 383]. Из недавних работ отметим статьи Л. Г. Хрушковой и А. Ю. Виноградова, в которых изданы некоторые сохранившиеся архитектурные детали и эпиграфические находки IX–XI вв. [41, с. 118–120, рис. 11–13; 8, с. 294–297, №№ 183, 186, 193–195].

В связи со слабым введением в научный оборот массового археологического материала, обнаруженного в разные годы на территории базилики, необходимо обратить внимание на неопубликованную коллекцию византийской поливной керамики X–XI вв. группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912–1913 гг., ныне хранящуюся в фондах Херсонесского музея-заповедника и, скорее всего, происходящую из раскопок нашего памятника (рис. 17–18).

История, топографии и функции Мангупской крепости в фемный период истории. Представленный обзор археологических объектов середины IX – середины XI в. ясно показывает, что на протяжении всего этого времени Мангуп-Дорос сохранял характер крупной, хорошо укрепленной византийской крепости, основная линия обороны которой, как и прежде, проходила вдоль внешней кромки Мангупского плато. Очень важными являются впервые выявленные следы крупных ремонтов и реконструкций укреплений А.XI и А.XIV ГЛЮ городища, датированные серединой IX в. и концом X в. Это свидетельствует о том, что поддержание в боевом состоянии оборонительной системы городища являлось одной из главных задач, возложенных на византийских военачальников и размещенный здесь воинский контингент.

Ремонт середины IX в., следы которого зафиксированы в ходе изучения укрепления А.XI в ущелье Табана-дере, скорее всего, являлся результатом включения Мангупской крепости в состав византийской фемы, учрежденной в Таврике не позднее 841 г. Археологические данные не позволяют полностью оценить характер этих работ – общая реконструкция оборонительной линии или серия локальных ремонтов существующих крепостных стен? Мы склоняемся к первому варианту решения этого вопроса, но следует признать недостаточный объем информации для каких-либо окончательных заключений. Также трудно установить более точную, чем середина – начало второй половины IX в., датировку этих событий, особенно в связи с динамичностью протекавших на полуострове в это время военных и политико-административных процессов и не ясными ресурсами, которыми обладал стратег ранней византийской фемы Климатов на полуострове [об этом см.: 30, с. 482–485]. Ремонт ГЛЮ Мангупской крепости в конце X в. носил более масштабный характер. К тому же он имел точную дату – не позднее 994–995 гг., о которой сообщается в строительной надписи с именем топотерита Цулы, сохранившейся *in situ* в кладке одной из башен укрепления в Табана-дере. Результатом этих работ стала кардинальная реконструкция, по крайней мере, двух ключевых фортификационных узлов Северного фронта ГЛЮ – укреплений А.XI и А.XIV на северо-восточном склоне мыса Чуфут-Чарган-бурун. Особенно впечатляет строительство новой

куртины на месте последнего, когда была полностью разобрана ранневизантийская крепостная стена.

Рассматривая исторические обстоятельства, приведшие к необходимости столь серьезной реконструкции Мангупской крепости в конце X в., следует еще раз обратить внимание на обострение политической обстановки в Северном Причерноморье в 960–980-е гг. в связи с ростом военной угрозы со стороны Древнерусского государства и на ответные попытки Византии противостоять ей путем реформирования системы административного устройства своей провинции в Таврике. В результате, на смену единой феме, включавшей ранее под управлением одного стратига в Херсоне все горные и прибрежные области полуострова, пришла иная система территориальной организации, основанная на сосуществовании нескольких административных единиц (фемы Херсон, Боспор, Сугдея), подчиненных Константинополю. В составе фемы Херсон особым подразделением становится турмархия Готия на территории Горного Крыма с центральной крепостью на Мангупе [подробнее см.: 29, с. 189–191]. В представлении византийцев, такие преобразования должны были обеспечить эффективное противостояние военным угрозам даже на региональном уровне принятия решений.

Таким образом, кардинальная реконструкция двух важных объектов ГЛО Мангупского городища в конце X в. выглядит не случайным событием и хорошо вписывается в общий контекст военно-политической истории Крыма этого времени. Речь идет о целенаправленном укреплении столичного центра нового административного округа в связи с приданием ему статуса турмархата. В связи с этим и топотерита Цулу, отмеченного в надписи 994–995 гг. из Табана-дере и руководившего фортификационными работами на Мангупе, вероятнее всего, следует рассматривать не просто как коменданта отдаленной византийской крепости, возглавлявшего местный гарнизон [7, с. 264–265], а в качестве одного из важных офицеров, который находился в подчинении турмарха Готии, что более всего отражает распространенную административную практику в Византии для X в. [49, р. 346; о содержании должности топотерита в различные периоды византийской истории см. также: 46, р. 79, 85; 44, р. 215–224].

По итогам выполненного в работе картографирования археологических объектов IX–XI вв. в пределах Мангупского городища, следует сохранить традиционные представления об общем делении внутрикрепостного пространства на две функциональные зоны – жилой и хозяйственной застройки (центральная и восточная часть Мангупского плато; на сегодняшний день, до 50% его общей площади) и свободной от застройки территории, которая могла использоваться как убежище для населения округа. Однако, как показывают новые исследования, эта ситуация отражает, скорее, не исторические реалии, а лишь уровень наших современных знаний о топографии памятника и в будущем может быть серьезно пересмотрена.

Раскопки большинства открытых участков жилой застройки Мангупа-Дороса фемного периода (на месте цитадели на мысе Тешкли-бурун, церкви св. Константина в верховьях балки Гамам-дере, в Лагерной балке) указывают на их рядовой характер. Лишь в отношении квартала на месте Мангупского дворца 1425–1475 гг. возможно предположение о его особом статусе, ввиду близости расположения к Большой трехнефной базилике и высокой степени спланированности территории. Здесь важным археологическим открытием последних лет являются раскопки множества капитальных построек с каменными стенами и черепичной кровлей и, особенно, улицы в направлении базилики, которая, начиная с момента строительства крепости, неизменно выполняла роль градообразующей планиграфической структуры.

Еще одним важным наблюдением является констатация эволюционного развития многих участков внутрикрепостной застройки Мангупа и отсутствие значительного хронологического разрыва между поселенческими структурами ранневизантийского и средневизантийского времени. Об этом свидетельствуют результаты раскопок на территории цитадели, в Лагерной балке и, особенно, дворца. В ходе исследований почти нет примеров строительных горизонтов или отдельных построек, которые можно было бы уверенно соотнести с хазарским периодом в истории памятника. Все выявленные здания, из раскопок которых происходит маркерная в этом смысле салтово-маяцкая керамика, датируются более поздним временем и, соответственно, не могут рассматриваться в качестве материального подтверждения широкой территориальной и военно-политической экспансии Хазарского каганата в конце VIII – начале IX в. Таким образом, единственным надежным свидетельством об этом для истории Мангупа остаются, на сегодняшний день, сведения письменных источников.

Базилика, как и прежде, в IX–XI вв. выполняла роль топографического, идеологического (кафедральный храм Готской епархии) и, очевидно, административного центра поселения. По крайней мере, следов отдельного укрепленного центра (цитадели) городища этого времени, присущего многим городам и крепостям империи, начиная со средневизантийского периода, на Мангупе до сих пор не обнаружено. Трудно пока сказать, как этот процесс администрирования был организован на практике – с использованием отдельных построек базиликального комплекса или с помощью сооружения вблизи него специального здания фемной администрации? Решение этого вопроса является одной из главных задач дальнейших раскопок на месте памятника.

На протяжении всего фемного периода население Мангупа продолжало заниматься скотоводством и земледелием, однако, специализированными отраслями постепенно становятся виноградарство и товарное виноделие, ориентированные на экспорт. Занятия виноделием находились под контролем местной византийской администрации, о чем свидетельствуют находки стационарных скальных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости. Археологические исследования

данной группы памятников позволяют датировать их в пределах второй половины IX – первой половины X в.

В целом, имеющиеся археологические источники позволяют рассматривать Мангуп середины IX – середины XI в. не только как крупную византийскую крепость в горной части Крымского полуострова, выполнявшую к тому же функцию центра Готской епархии (архиепископии), но и как формирующееся поселение городского типа с высоким уровнем спланированности территории и регулярной квартально-уличной жилой застройкой.

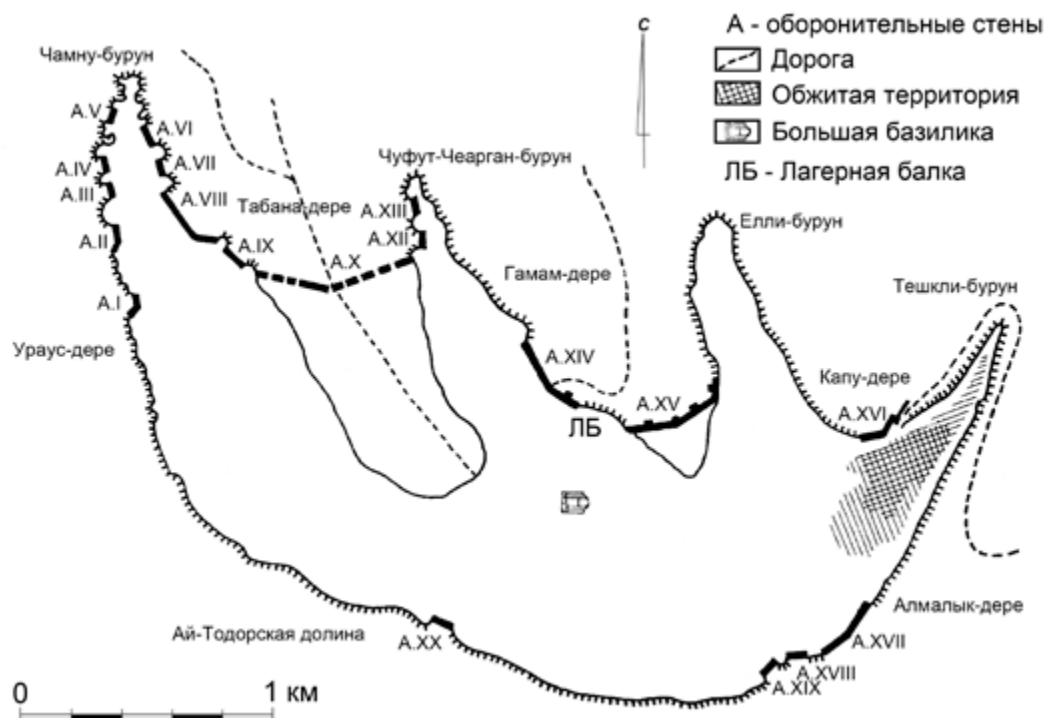

Рис. 1. Историческая топография Мангупа-Дороса в IX–X вв. в монографии 1990 г. по А. Г. Герцену [10, с. 261, рис. 29]

Fig. 1. Historical topography of Mangup – Doros in the ninth and tenth centuries in A. G. Gertsen’s monograph published in 1990 [10, p. 261, fig. 29]

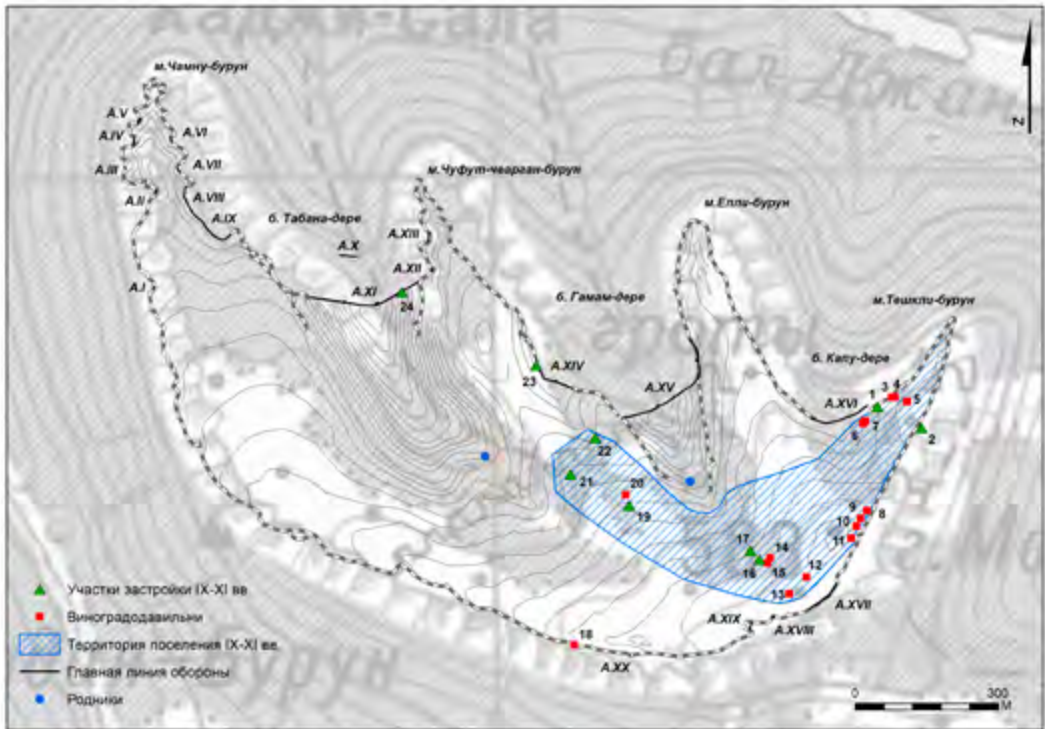

Рис. 2. Современная археологическая карта Мангупского городища IX–XI вв.

1 – СК у тыльной стороны цитадели; 2 – стратиграфический раскоп на склоне мыса Тешкли-бурун; 3 – МКВ-12; 4 – МКВ-10; 5 – МКВ-9; 6 – МКВ-4; 7 – МКВ-5; 8 – МКВ-13; 9 – МКВ-7; 10 – МКВ-11; 11 – МКВ-1; 12 – МКВ-2; 13 – МКВ-3; 14 – МКВ-14; 15 – МКВ-8; 16 – культурный слой на некрополе церкви св. Константина; 17 – СК у церкви св. Константина; 18 – МКВ-6; 19 – дворец; 20 – МКВ-15; 21 – базилика; 22 – СК в Лагерной балке; 23 – укрепление А.XIV; 24 – укрепление А.XI.

Составлена В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 2. Modern archaeological map of the fortified settlement of Mangup in the ninth and tenth centuries
1 – the building complex at the back side of the citadel; 2 – stratigraphic excavation trench on the side Teshkli-Burun promontory; 3 – wine-press МКВ-12; 4 – wine-press МКВ-10; 5 – wine-press МКВ-9; 6 – wine-press МКВ-4; 7 – wine-press МКВ-5; 8 – wine-press МКВ-13; 9 – wine-press МКВ-7; 10 – wine-press МКВ-11; 11 – wine-press МКВ-1; 12 – wine-press МКВ-2; 13 – wine-press МКВ-3; 14 – wine-press МКВ-14; 15 – wine-press МКВ-8; 16 – the cultural layer on the cemetery at St. Constantine’s Church; 17 – the building complex at St. Constantine’s Church; 18 – wine-press МКВ-6; 19 – palace; 20 – wine-press МКВ-15; 21 – basilica; 22 – the building complex in Lagernaia ravine; 23 – fortification A.XIV; 24 – fortification A.XI. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

Рис. 3. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Современное аэрофото с указанием наиболее важных объектов археологических исследований, в том числе периода IX–XI вв. (5–6, 8–9, 12–13)

1 – Северо-восточный монастырь; 2 – «гарнизонная» церковь; 3 – «церковь 2005 г.»; 4 – октагональный храм; 5 – МКВ-9; 6 – МКВ-10; 7 – осадный колодец; 8 – МКВ-12; 9 – постройка 1976 г.; 10 – донжон цитадели; 11 – «церковь 1967 г.»; 12 – МКВ-4 и МКВ-5; 13 – стратиграфический раскоп 1998 и 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса

Fig. 3. Citadel at Teshkli-Burun promontory. Modern aerial photo indicating the most important objects under archaeological research, including the period from the ninth to eleventh centuries (5–6, 8–9, 12–13)
1 – north-eastern monastery; 2 – “garrison” church; 3 – “2005 church”; 4 – octagonal temple; 5 – wine-press MKB-9; 6 – wine-press MKB-10; 7 – siege well; 8 – wine-press MKB-12; 9 – 1976 building; 10 – donjon of the citadel; 11 – “1967 church”; 12 – wine-presses MKB-4 and MKB-5; 13 – 1998 and 2003 stratigraphic excavation trench on the south-eastern side of the promontory

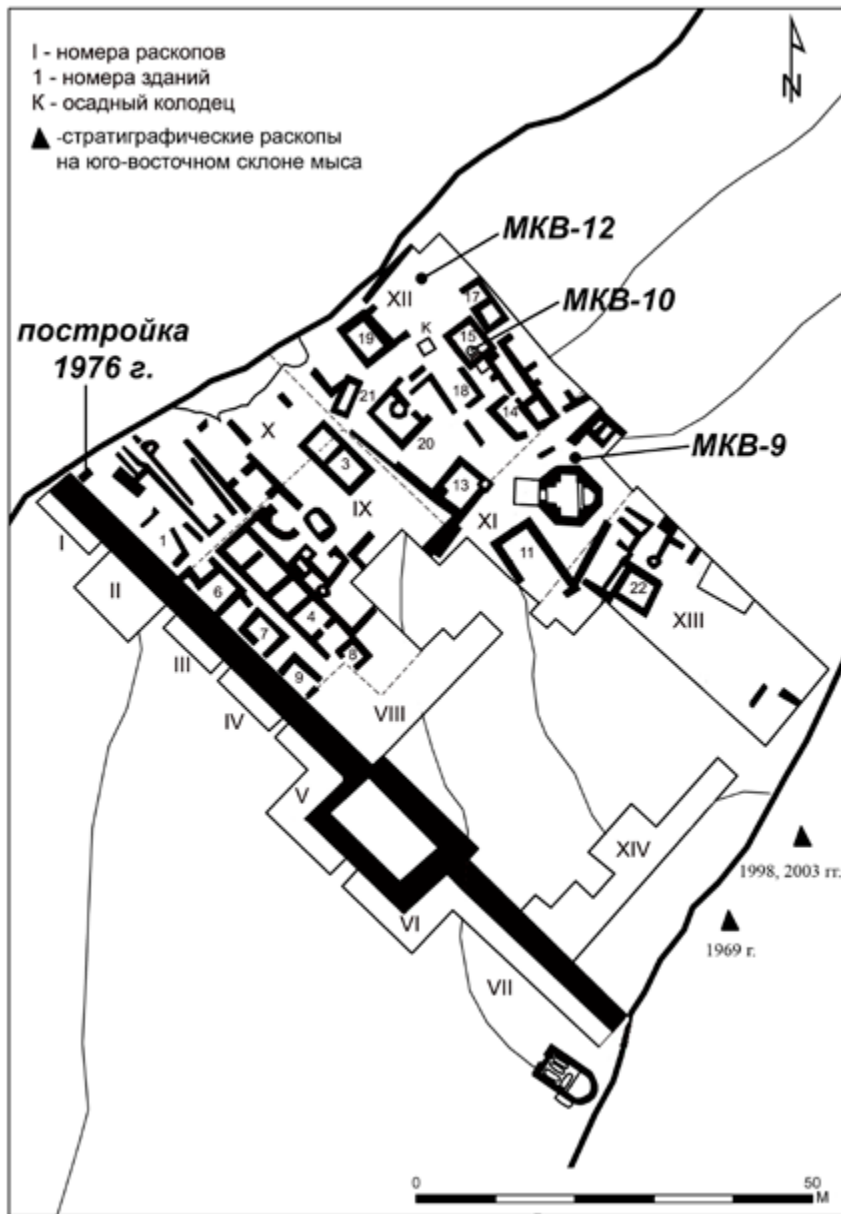

Рис. 4. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Общий план жилой и хозяйственной застройки XIV–XV вв. у тыльной стороны по результатам раскопок 1969–1971, 1975–1981 и 1990–2005 гг. с указанием объектов IX–XI вв. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 4. Citadel at Teshkli-Burun promontory. The general plan of residential and economic buildings from the fourteenth and fifteenth centuries at the back side according to the results of 1969–1971, 1975–1981 and 1990–2005 excavations, indicating the objects from the ninth to eleventh centuries. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

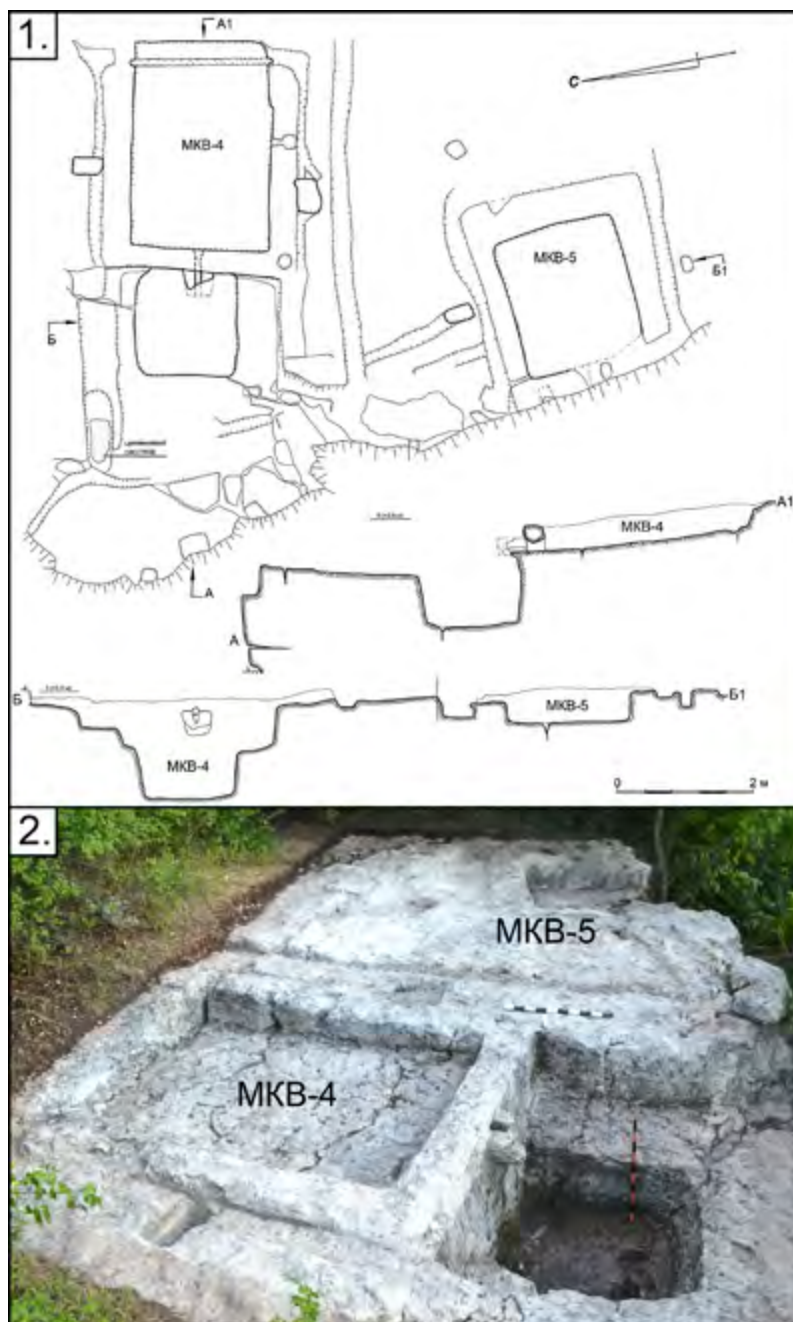

Рис. 5. Скальные виноградодавильни МКВ-4 и МКВ-5 на эспланаде Мангупской цитадели: 1 – план и разрезы; 2 – фото, вид с севера. Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 5. Carved-in-rock wine-presses MKB-4 and MKB-5 on the esplanade of Mangup citadel: 1 – plan and cross-sections; 2 – photo, view from the north. Compiled by V. K. Gantsev

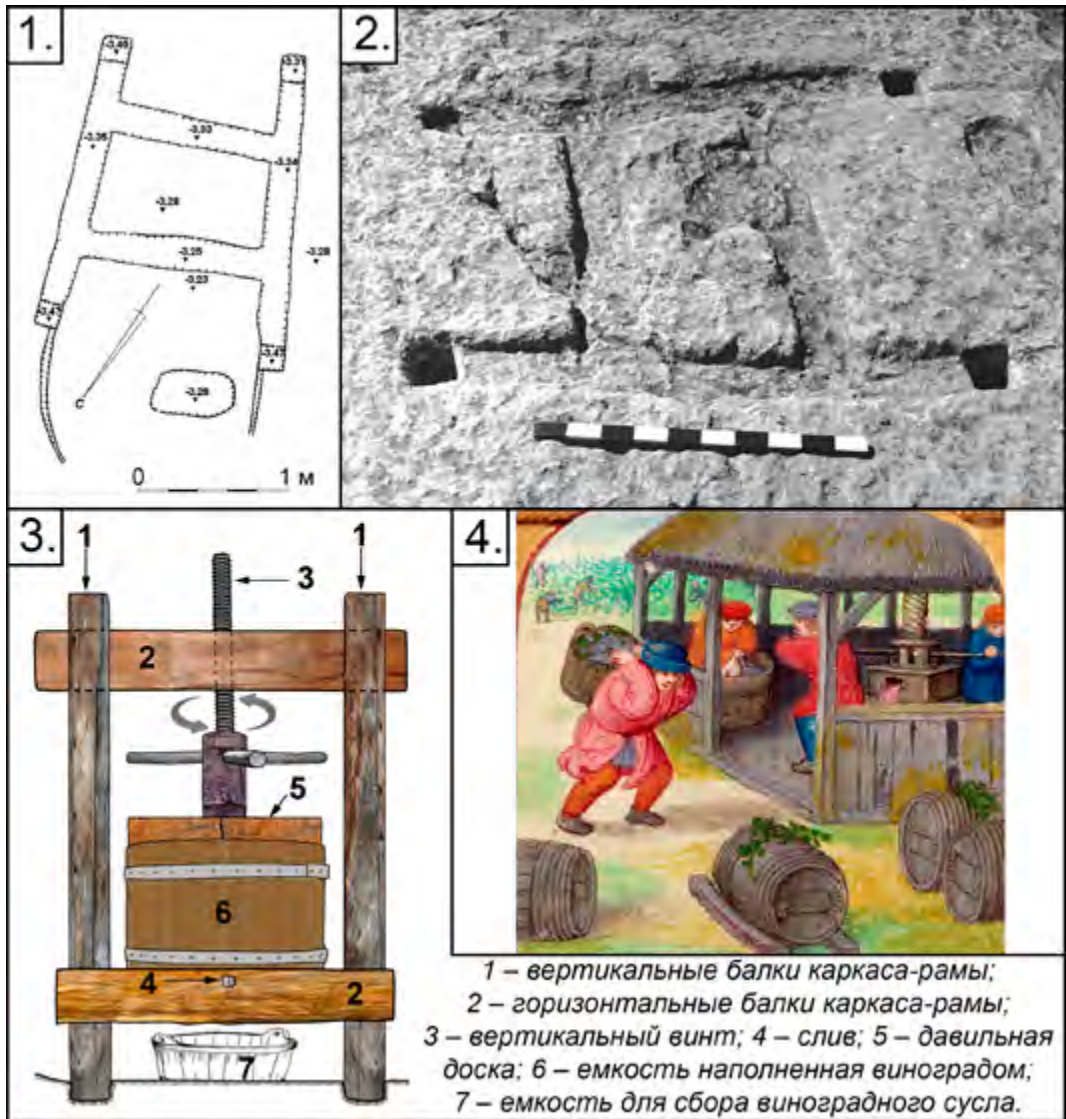

Рис. 6. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Скальная виноградодавиельня МКВ-12: 1 – общий план скальных вырубков под станины винтового пресса; 2 – общий вид с востока, фото; 3 – реконструкция винтового пресса; 4 – сцена обработки винограда с использованием винтового пресса на средневековой миниатюре (по: «*Horae cum calendario*», 1510–1525 гг., Национальная библиотека Франции, URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10053553j/f19.item>). Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 6. Citadel at Teshkli-Burun promontory. Carved in rock wine-press MKB-12: 1 – general plan of cuts in rock for screw press beds; 2 – general view from the east, photo; 3 – reconstruction of a screw press; 4 – scene of processing grapes using a screw press on a mediaeval miniature (after: *Horae cum calendario*, 1510–1525, National Library of France, URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10053553j/f19.item>).

Compiled by V. K. Gantsev

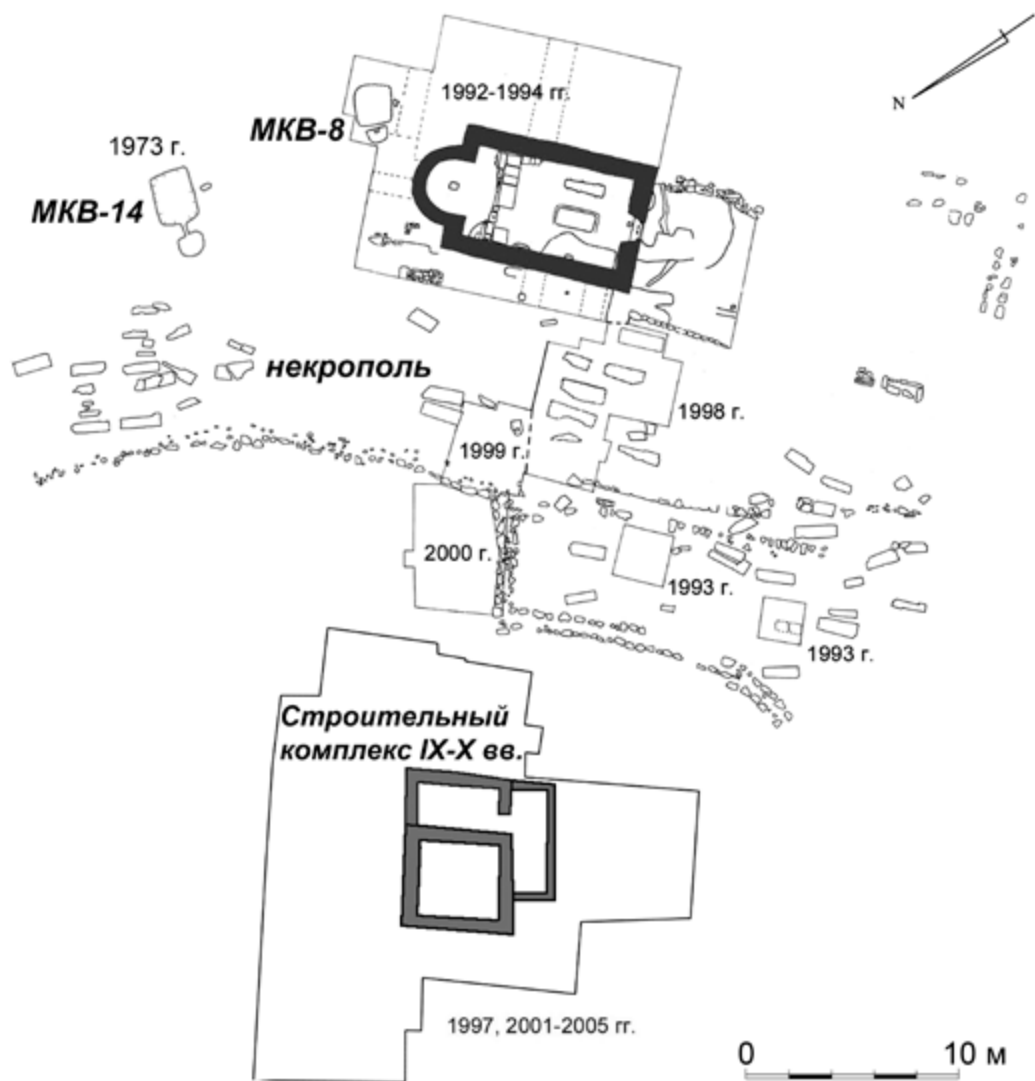

Рис. 7. Церковь св. Константина. Общий план участков исследований 1973, 1992–1994, 1997–2005 гг.
Составлен В. Е. Науменко и В. К. Ганцевым

Fig. 7. St. Constantine's Church. General plan of 1973, 1992–1994, 1997–2005 research areas. Compiled by V. E. Naumenko and V. K. Gantsev

Рис. 8. Церковь св. Константина. Прихрамовый некрополь и скальные виноградодавильни. Общий вид с востока. 2020 г., аэрофото А. А. Душенко

Fig. 8. St. Constantine's Church. The cemetery at the church and carved-in-rock wine-presses. General view from the east. 2020, aerial photo by A. A. Dushenko

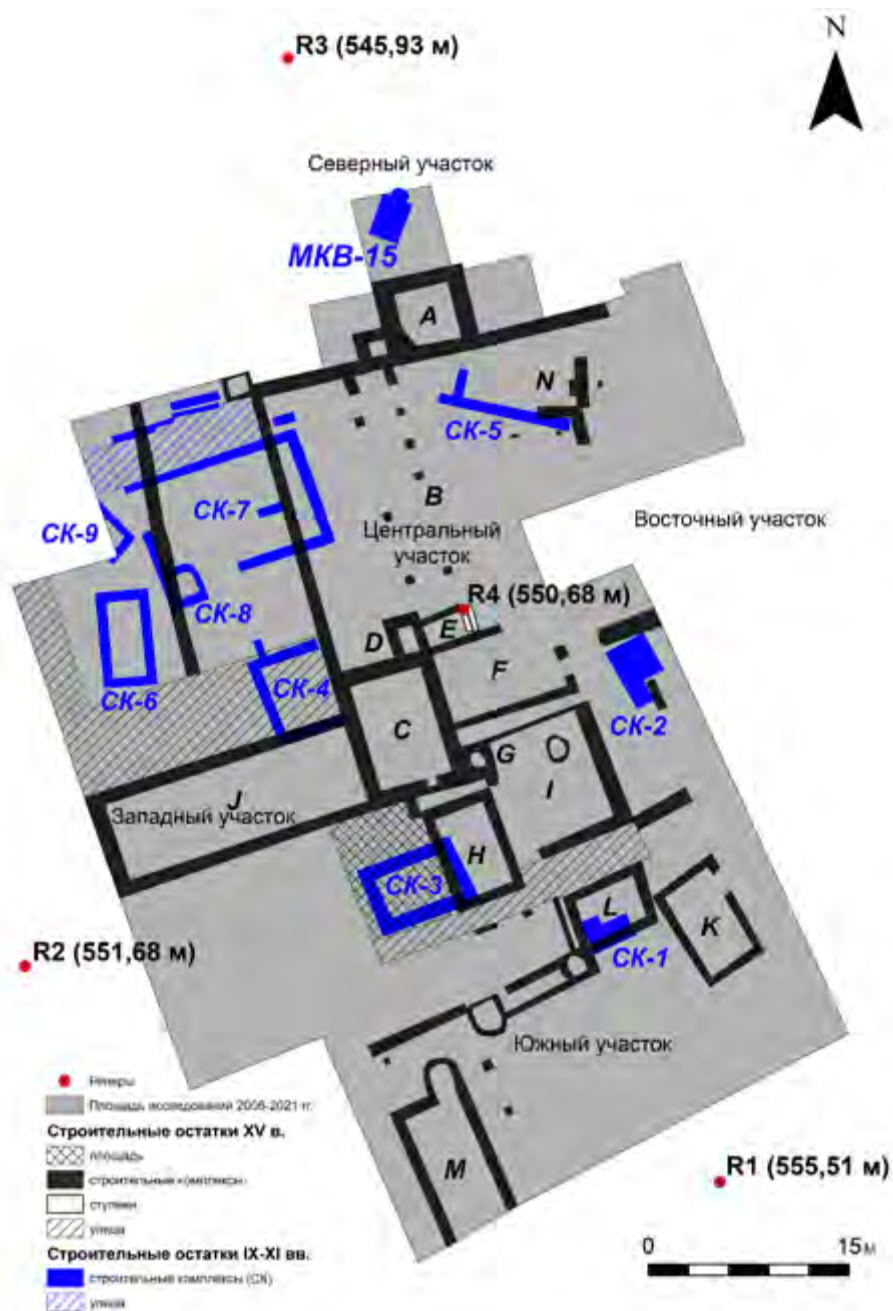

Рис. 9. Дворец. Общий план участка исследований 2006–2010, 2014–2021 гг. с указанием строительных остатков IX–XI и XV вв. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 9. Palace. General plan of the 2006–2010, 2014–2021 research area, indicating the construction remains from the ninth to eleventh and fifteenth centuries. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

Рис. 10. Дворец. Западный участок исследований (раскопки 2017–2021 гг.). Общий план яруса застройки середины IX – середины XI в. по уровню ее дневной поверхности (8-го слоя). Ямы №№ 79 и 81 датируются первой половиной – серединой IX в. и, соответственно, предшествуют ему, яма № 69 относится к более позднему строительному горизонту золотоордынского времени (конца XIII – XIV в.); яма № 66 и помещение В – сооружения дворца 1425–1475 гг. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 10. Palace. Western research area (2017–2021 excavations). The general plan of the building tier from the mid-ninth to the mid-eleventh centuries on the daily surface level (8th layer). Pits no. 79 and 81 date from the first half / mid-ninth century and, accordingly, precede the said tier, pit no. 69 corresponds to later building horizon from the Golden Horde Period (late thirteenth and fourteenth centuries); pit no. 66 and room B are the constructions of the palace from 1425–1475. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

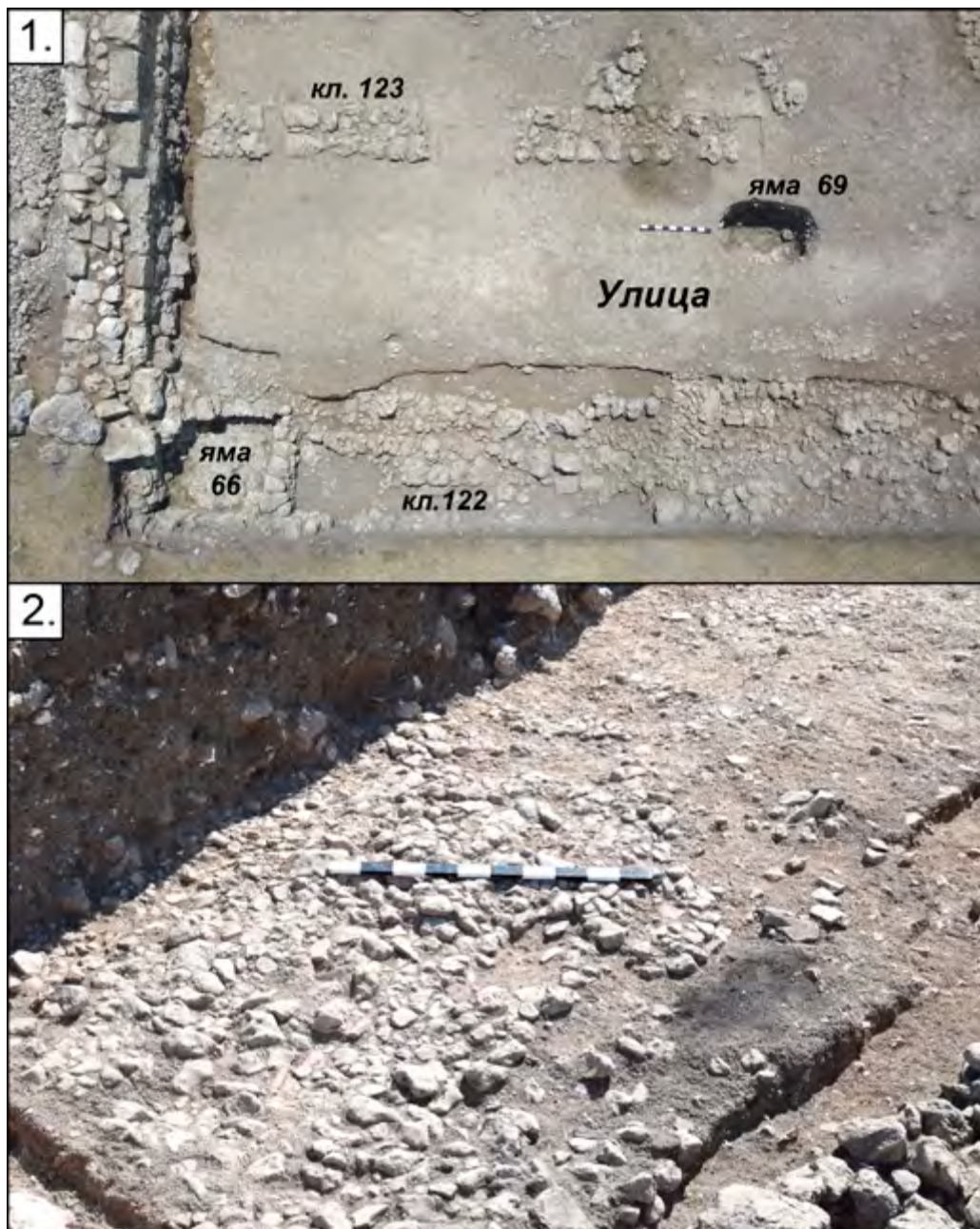

Рис. 11. Дворец. Западный участок исследований: 1 – улица IX–XI вв. по уровню 8-го слоя, 2021 г.; 2 – фрагмент каменного мощения улицы IX–XI вв., 2020 г. Фото автора

Fig. 11. Palace. Western research area: 1 – street from the ninth to eleventh centuries at the level of the 8th layer, 2021; 2 – fragment of stone pavement on the street from the ninth to eleventh centuries, 2020. Photo: the author

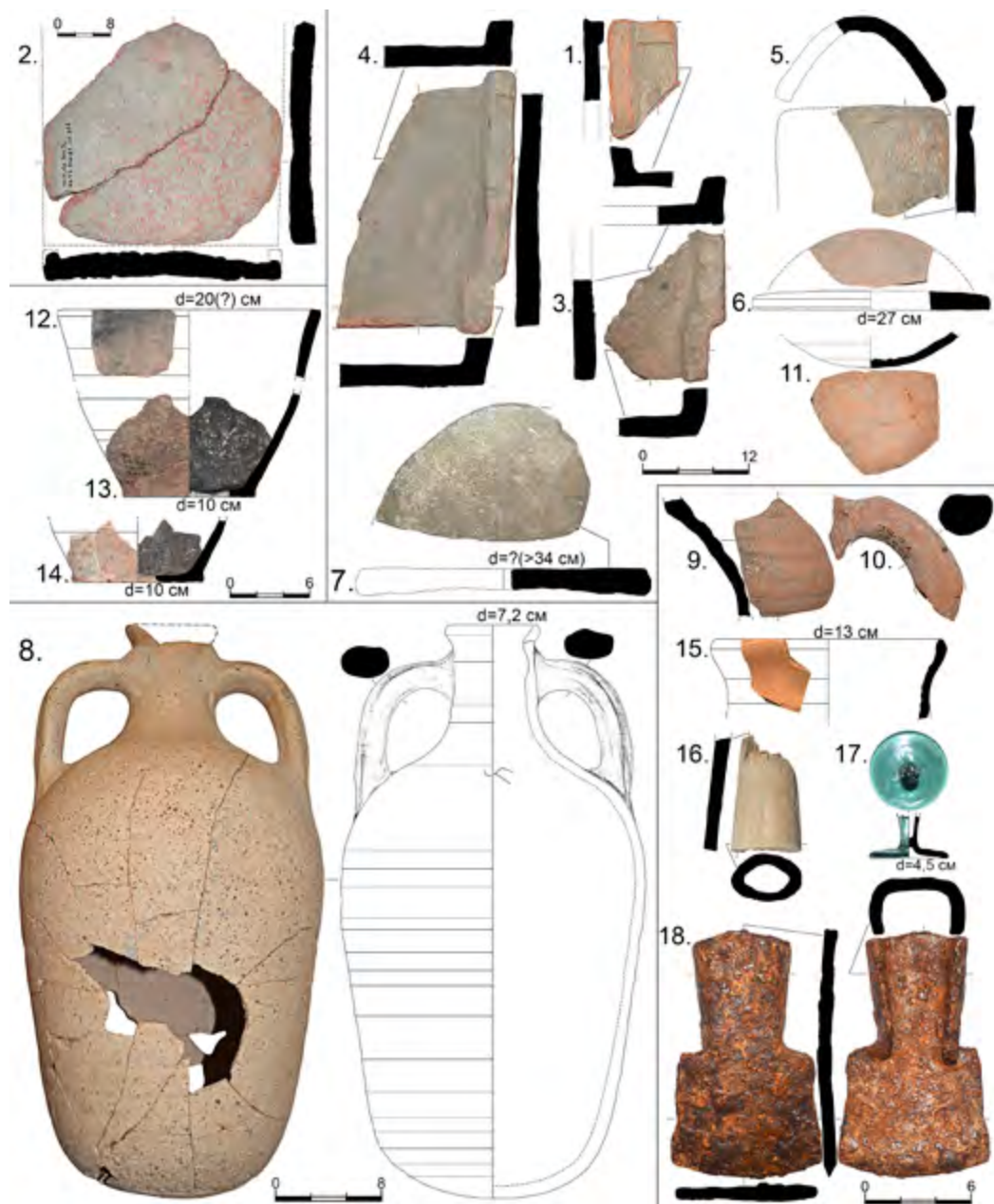

Рис. 12. Дворец. Западный участок исследований. Квадрат № 47. Хозяйственная яма № 81. Заполнение. Основные категории находок (раскопки 2021 г.): 1–6, 8–15 – керамика; 7 – мергель; 16 – кость; 17 – стекло; 18 – железо. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 12. Palace. Western research area. Excavation trench no. 47. Storage pit no. 81. Infill. The main categories of the finds (2021 excavations): 1–6, 8–15 – ceramic ware; 7 – marl; 16 – bone; 17 – glass; 18 – iron. Compiled by V. K. Gantsev

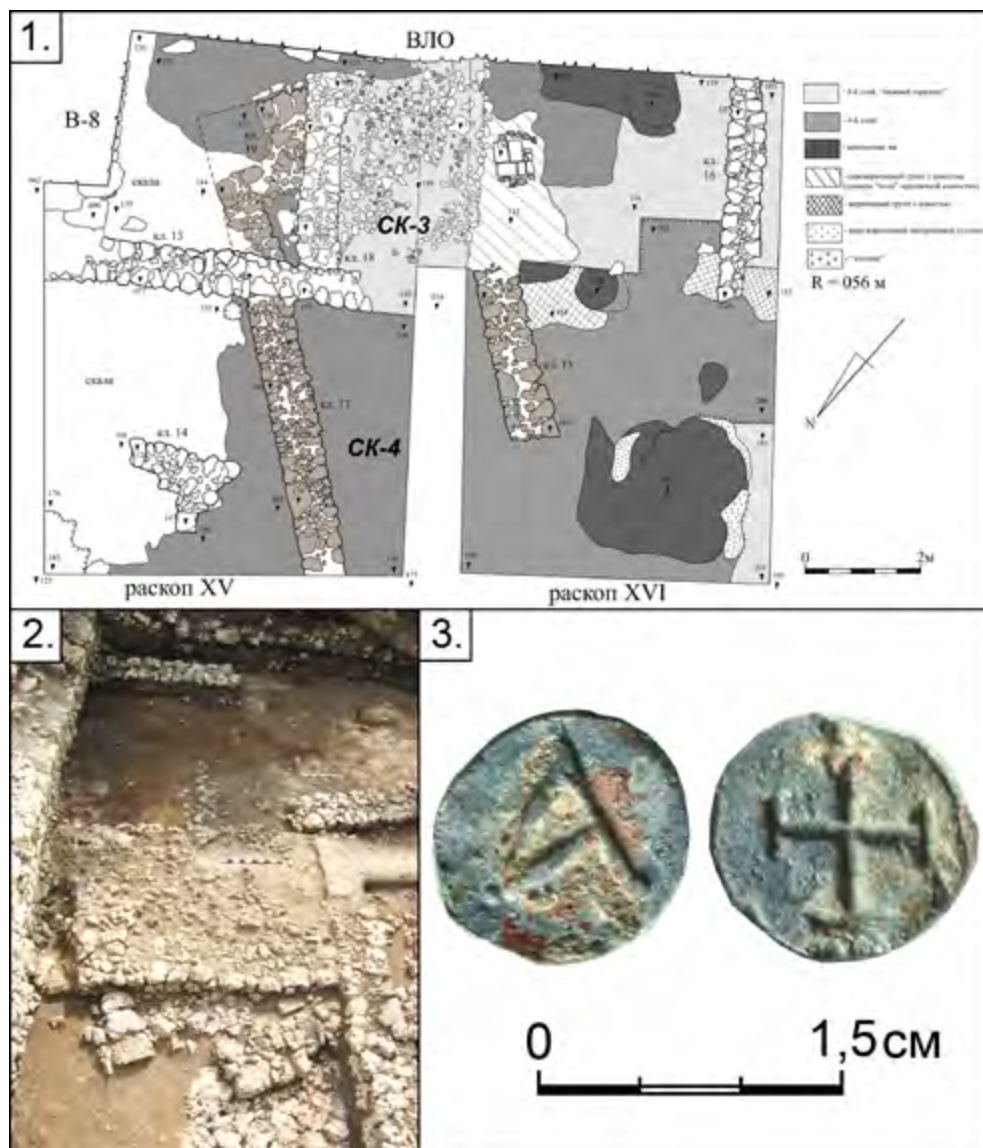

Рис. 13. Лагерная балка: 1 – общий план СК-3 по итогам раскопок 2007–2008 гг.; 2 – центральный участок СК-3 по уровню 3-го слоя («слоя разрушения» постройки), на переднем плане – северо-восточный угол СК-4, фото автора 2007 г.; 3 – херсоно-византийская монета времени Михаила III (842–867) (тип Анохин 337) из «слоя разрушения» СК-3 (2007 г., к.о. 1167). Составлен В. Е. Науменко и В. К. Ганцевым

Fig. 13. Lagernaia ravine: 1 – general plan of building complex-3 according to the 2007–2008 excavations; 2 – central area of building complex-3 at the level of the 3rd layer (“destruction layer” of the building), in the foreground is the north-eastern corner of building complex-4, photo by the author, 2007; 3 – Cherson-Byzantine coin from the age of Michael III (842–867) (type Anokhin 337) from the “destruction layer” in the building complex-3 (2007, collection no. 1167). Compiled by V. E. Naumenko and V. K. Gantsev

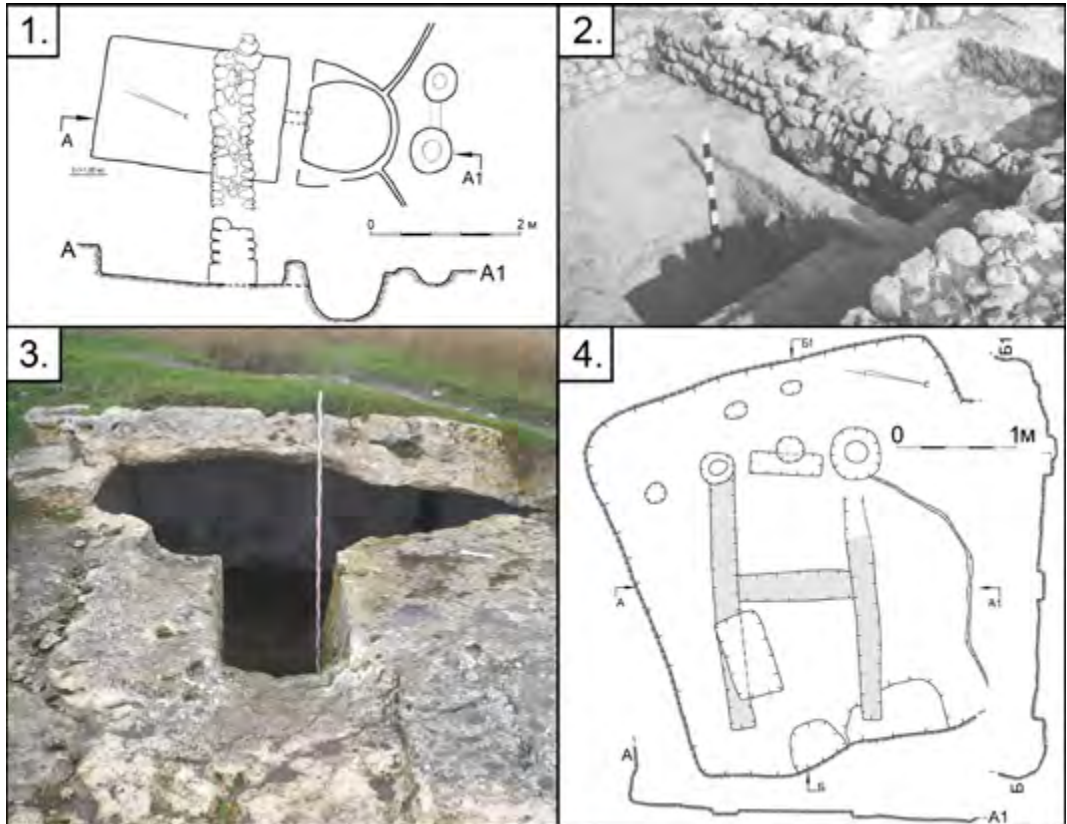

Рис. 14. Скальные виноградадавилни МКВ-10 и МКВ-11: 1 – общий план и архитектурные разрезы МКВ-10; 2 – МКВ-10, общий вид с запада, фото автора; 3 – скальное сооружение для размещения МКВ-11; 4 – общий план и архитектурные размеры МКВ-11. Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 14. Rock wine-press-10 and wine-press-11: 1 – general plan and architectural sections of wine-press-10; 2 – wine-press-10, general view from the west, photo by the author; 3 – rock structure to accommodate wine-press-11; 4 – general plan and architectural dimensions of wine-press-11. Compiled by V. K. Gantsev

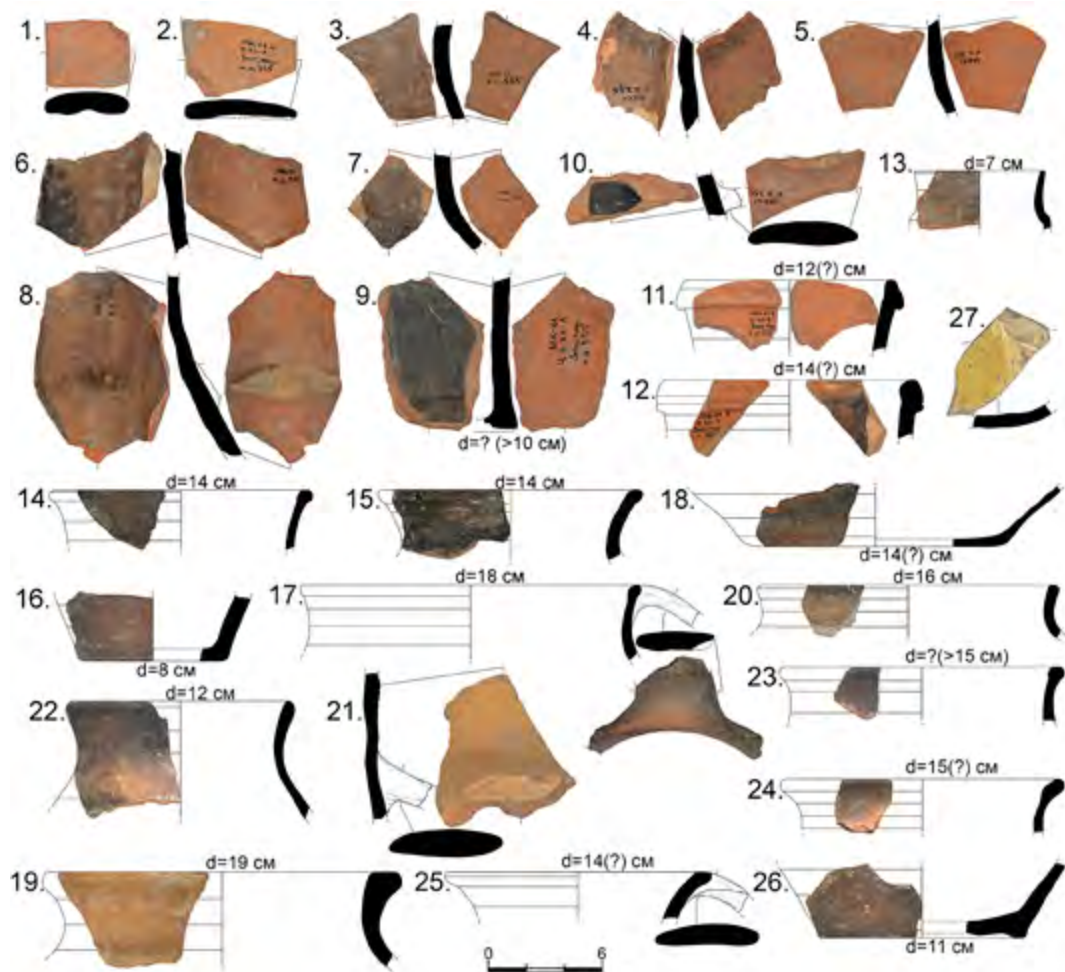

Рис. 15. Цитадель. 2001 г. Виноградодавильня МКВ-10. Заполнение тарапана и верхнего горизонта засыпи суслоприемника. Основные категории керамических находок. Выполнен В. К. Ганцевым
Fig. 15. Citadel. 2001. Wine-press-10. Infill of the press and the upper horizon of the backfill of the juice receiver. Main categories of ceramic finds. Completed by V. K. Gantsev

Рис. 16. Цитадель. 2001 г. Виноградодавильня МКВ-10. Нижний горизонт засыпи сулоприемника.
Основные категории керамических находок. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 16. Citadel. 2001. Wine-press MKB-10. The lowermost horizon of the backfill of the juice receiver.
Main categories of ceramic finds. Completed by V. K. Gantsev

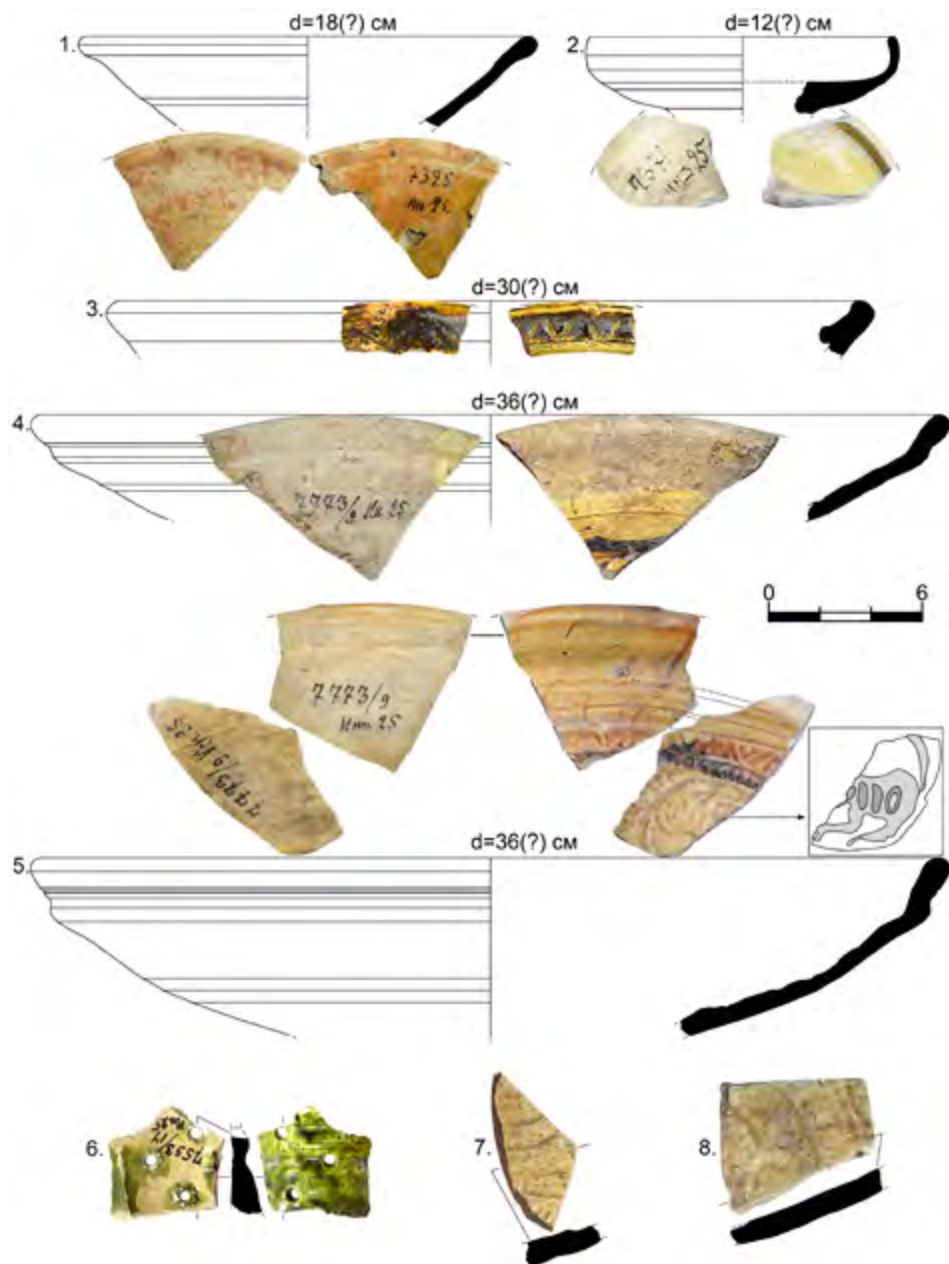

Рис. 17. Базилика. Глазурованная керамика группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг. Группа хранения – так называемая «инвентаризация 1925 г.»: 1 – инв. № 7325-25; 2 – инв. № 7371-25; 3 – инв. № 7591-25; 4–5, 7–8 – инв. № 7773/9-25; 6 – инв. № 7593/14-25. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 17. Basilica. Glazed pottery of the group GWW-II excavated by R. Kh. Leper in 1912–1913. Storage group is the so-called “1925 inventory”: 1 – inv. no. 7325-25; 2 – inv. no. 7371-25; 3 – inv. no. 7591-25; 4–5, 7–8 – inv. no. 7773/9-25; 6 – inv. no. 7593/14-25. Compiled by V. K. Gantsev

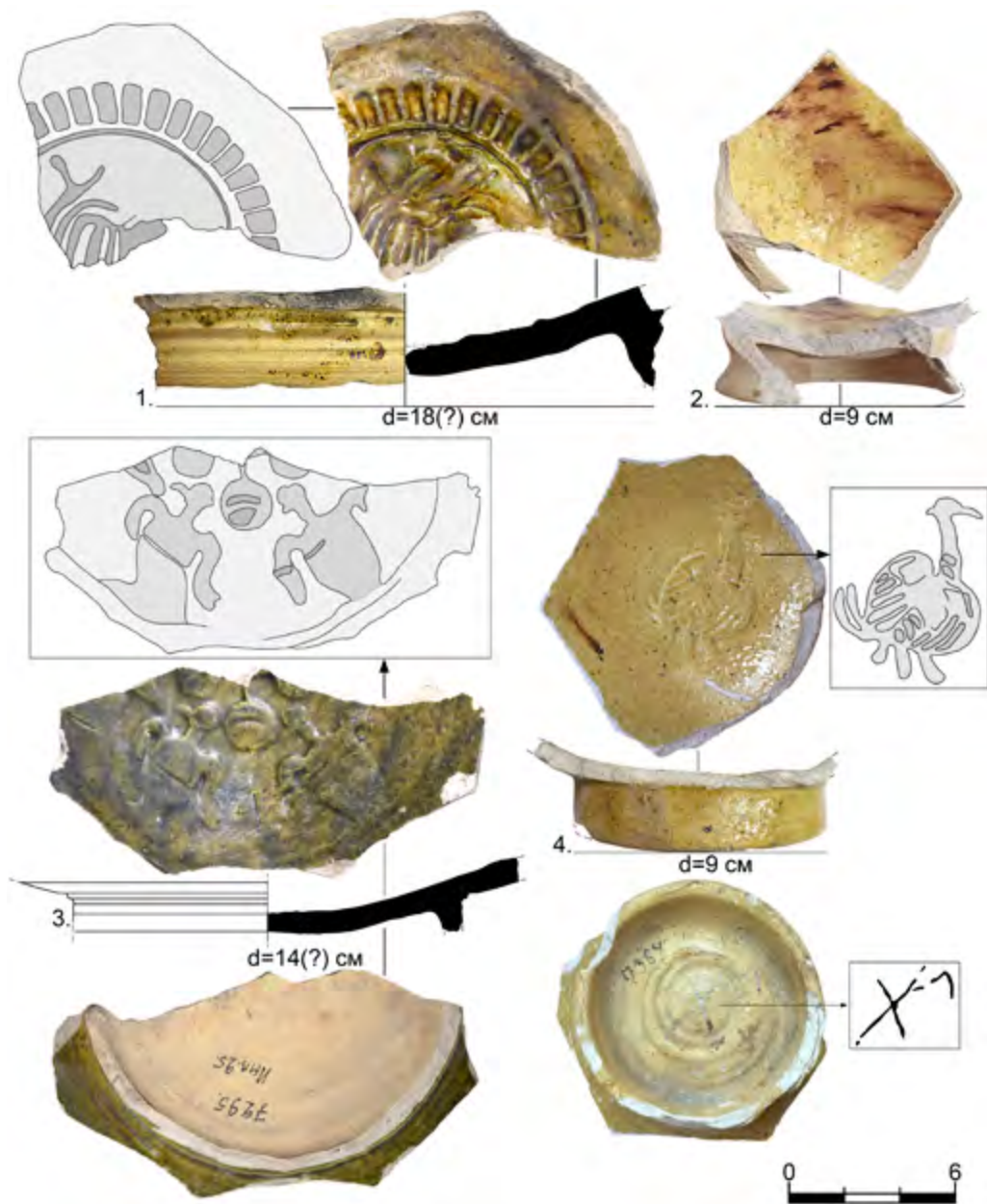

Рис. 18. Базилика. Глазурованная керамика группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг. Группа хранения – так называемая «инвентаризация 1925 г.»: 1 – инв. № 7284-25; 2 – инв. № 7335-25; 3 – инв. № 7295-25; 4 – инв. № 7364-25. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 18. Basilica. Glazed pottery of the group GWW-II excavated by R. Kh. Leper in 1912–1913. Storage group is the so-called “1925 inventory”: 1 – inv. no. 7284-25; 2 – inv. no. 7335-25; 3 – inv. no. 7295-25; 4 – inv. no. 7364-25. Compiled by V. K. Gantsev

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
3. Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 121–135.
4. Алексеенко Н.А. О редких бронзовых монетах (Анохин 351) средневековой Таврики // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 248–256.
5. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
6. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.
7. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262–271.
8. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
9. Ганцев В.К. Ротационные жернова IX–XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 6. С. 131–141.
10. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166.
11. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29–34.
12. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
13. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59–65.
14. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
15. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
16. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
17. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.
18. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сборник научных трудов. Том I / под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыща. Киев, 2005. С. 257–287.
19. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384–432.
20. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. 53: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара. С. 227–253.
21. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
22. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 79–86.
23. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв.

- ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 53–58.
24. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-иммитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 120–135.
 25. Душенко А.А. Укрепление А.ХI Главной линии обороны Мангупа // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVI. С. 271–310.
 26. Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX–XI вв. // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 152–159.
 27. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 2011. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.
 28. Науменко В.Е. Амфоры; Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. С. 35–57.
 29. Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Вып. 1. Сборник научных трудов / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Интерсфера, 2013. С. 189–191.
 30. Науменко В.Е. От фемы Климагов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 475–506.
 31. Науменко В.Е. Мангуп-Дорос средневизантийского времени. История, топография, функции укрепленного поселения // XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации»: материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 193–198.
 32. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
 33. Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К. Историческая топография Мангупа фемного периода. Новые материалы археологических исследований // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 165–178.
 34. Науменко В.Е., Якушечкин А.В. Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 167–182.
 35. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1995. 169 с.
 36. Сидоренко В.А. Церковное и муниципальное производства литых херсоно-византийских монет IX – начала XIII вв. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Вып. 1. Сборник научных трудов / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Интерсфера, 2013. С. 267–292.
 37. Сидоренко В.А. Бронзовые монеты с изображением «Креста Константина» и «Беты», причисляемые средневековому Херсону, и Чамнубурунский клад // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 257–286.
 38. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 172–181.
 39. Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // Stratum plus. 2010. № 6. С. 187–200.
 40. Тиханова М.А. Базилика // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.
 41. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
 42. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Материалы по археологии и

- истории античного и средневекового Крыма. 2010. Вып. II. С. 192–198.
43. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. T. 54. P. 271–275.
 44. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès a la fin du 11e s. // REB. 1984. T. 42. P. 215–224.
 45. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*. 2008. T. 120/2. P. 307–326.
 46. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. // BCH. 1960. T. 84/1. P. 1–109.
 47. Günsenin N. Les amphores byzantines (X–XIII s.): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. Paris: De L'Université de Paris I Press, 1990. 319 p.
 48. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1992. 455 p.
 49. Oikonomides N. Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris: Centre National de la recherché scientifique Publ., 1972. 403 p.
 50. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // *Byzantina*. 2018. T. 35. P. 195–216.
 51. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study // *Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry*. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: BAR, 2014. P. 873–883.
 52. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 224 p.
 53. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni / Eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017. P. 285–310.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Alekseenko N.A. Byzantine administration on the Bosphorus in the second half of the 10th century (according to the monuments of sphragistics). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 564–570.
3. Alekseenko N.A. New finds of Byzantine seals in the Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 121–135.
4. Alekseenko N.A. On Rare Bronze Coins (Anokhin 351) of Medieval Taurika. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 248–256.
5. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Mining of Chersonesos (4th century BC – 12th century AD)]. Kyev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.
6. Veimarn E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ia. Archaeological Research of the Capital of the Principality of Theodoro. Bibikov S.N. (Ed.), *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arheologii Kryma* [Feudal Taurica. Materials on the History and Archaeology of the Crimea], Kyev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123–139.
7. Vinogradov A.Iu. The Inscription from Tabana-dere: 500 years later. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 262–271.
8. Vinogradov A.Iu. The maim reserch problems and questions of researches in Byzantine epigraphy of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 278–298.
9. Gantsev V.K. Rotary Millstones of the 9th–11th Centuries from the Excavations of the Mangup Princely

- Palace. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 131–141.
10. Gertsen A.G. Fortress Ensemble of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 87–166.
 11. Gertsen A.G. Khazars in Doros-Mangup. *Khazaraskii al'manakh* [Khazar almanac], Kharkiv, 2002, vol. 1, pp. 29–34.
 12. Gertsen A.G. Doros-Theodoro (Mangup): from an early Byzantine fortress to a feudal city. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 94–112.
 13. Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Byzantine seals from excavations of Mangup-Kale. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2002, vol. 33, pp. 59–65.
 14. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): III Horizon of Building (the middle 9th – the beginning of the 10th centuries). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 240–295.
 15. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): I Horizon of Building (the 16th–18th centuries). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 233–298.
 16. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The Pottery of 9th–11th centuries from a residential complex on Teshkli-burun cape. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 127–147.
 17. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Glazed Ceramics from Excavations of Mangup's Citadel. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.: sbornik nauchnykh trudov. Tom I* [Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea Region of the 10th–18th Centuries: collective papers. Vol. I], Kyev, Stylos Publ., 2005, pp. 257–287.
 18. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the history of the Mangup Citadel (based on Archaeological Research on the South-Eastern Slope of Teshkli-burun cape). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2006, vol. 37, pp. 384–432.
 19. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Octagonal Church of Mangup's Citadel: Questions of Chronology and Architectural Composition. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 227–253.
 20. Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the Study in the History of Mangup from the Eighth to the Eleventh Century: the Condition of Sources and Perspectives for Research. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 615–640.
 21. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (A Preliminary Communication). Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. X Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [X International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis”], Sevastopol, Simferopol, Kolorit Publ., 2018, pp. 53–58.
 22. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. The Rock-Cut Wine Presses at Mangup. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [XI International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis”], Simferopol, Kolorit Publ., 2019, pp. 79–86.
 23. Gertsen A.G., Sidorenko V.A. Chamnuburun Hoard of Imitation Coins. To the Dating of the Western Section of the Fortifications of Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1988, vol. 24, pp. 120–135.
 24. Gertsen A.G., Zemlyakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraphic studies on the south-eastern slope of Teshkli-burun cape (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 371–494.
 25. Dushenko A.A. Strengthening A.XI Mangup Main Line of Defence. *Istoriia i arkheologia Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], Simferopol, 2022, vol. 16, pp. 271–310.

26. Maiko V.V. Concerning the Establishment of Medieval Horizons of Mangup from the Ninth to Eleventh Centuries. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 152–159.
27. Moiseev D.A. Archaeological Complex of Building Ceramic from Excavations Settlement of 9th–10th Centuries in Lagernaya Gully (Mangup). *Drevnosti 2011* [Antiquities 2011], Kharkiv, 2011, vol. 10, pp. 172–190.
28. Naumenko V.E. Amphorae; High Neck Jugs with Wide Strap Handles. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* [Tyritake. Excavation Trench XXVI. Vol. I. Archaeological Assemblages 8th–10th centuries AD], Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2009, pp. 35–57.
29. Naumenko V.E. Taurika in Russian-Byzantine Relations in the middle of 10th – early 11th C.: (Historical and Archaeological Comment). Alekseienco N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis»*. *Vyp. 1. Sbornik nauchnyh trudov* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «empire» and «polis». Vol. 1. Collection of scientific papers], Sevastopol, Intersphera Publ., 2013, pp. 189–191.
30. Naumenko V.E. From the Theme Klimata to the Theme of Cherson: Characteristics of Byzantine Military and Administrative Model in Taurica. Jackson T.N. (Ed.), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2014 god: Drevniaia Rus' i srednevekovaiia Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [The Earliest States of Eastern Europe. 2014. Old Rus' and Medieval Europe: The Origin of States], Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2016, pp. 475–506.
31. Naumenko V.E. Mangup-Doros of the Middle Byzantine period. History, Topography, Functions of the fortified settlement. Mel'nikova E.A. (Ed.), *XXXI Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto «Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie etapy urbanizatsii»: materialy konferentsii* [XXXI Readings Dedicated to the Memory of Vladimir Pashuto. Eastern Europe in the Antiquity and the Middle Ages. Early Stages of Urbanization], Moscow: Institute of World History RAS Publ., 2019, pp. 193–198.
32. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R.Kh. Leper's Collection in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 187–238.
33. Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K. Historical Topography of Mangup in the Theme Period: New Materials of Archaeological Researches. Alekseienco N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperii i polis. XIV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis. XIV International Byzantine Seminar], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 165–178.
34. Naumenko V.E., Yakushechkin A.V. The Byzantine Coins Excavated at the Palace of Mangup. A General Review of the Collection. Alekseienco N.A. (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IX Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. IX International Numismatic Symposium]. Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 167–182.
35. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona* [Amphorae from the complexes of Byzantine Kherson]. Ekaterinburg, Ural University Press, 1995, 169 p.
36. Sidorenko V.A. Church and Municipal Productions Cast Kherson-Byzantine Coins in 9th – the beginnings 13th Centuries. Alekseienco N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis»*. *Vyp. 1. Sbornik nauchnyh trudov* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «empire» and «polis». Vol. 1. Collection of scientific papers]. Sevastopol, Intersphera Publ., 2013, pp. 267–292.
37. Sidorenko V.A. Bronze Coins with the Image of “The Cross Constantine” and “Beta”, classifies medieval Cherson, and the Chamnuburun Hoard. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 257–286.
38. Smokotina A.V. Byzantine Glazed Ceramics of the 7th – the first half of the 9th Centuries from the Excavations in Mangup. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 172–181.
39. Stupko M.V., Turovsky E.Ia. Cast Coins in Medieval Chersonese. *Stratum plus*, 2010, no. 6, pp. 187–200.

40. Tikhanova M.A. Basilika. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, no. 34, pp. 334–389.
41. Khrushkova L.G. On the discussion about the time when the Mangup basilica was constructed. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 107–138.
42. Choref M.M. The Coinage of Kherson in the first half of the 8th Century. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2010, vol. 2, pp. 192–198.
43. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson. *Revue des Études Byzantines*, 1996, vol. 54, pp. 271–275.
44. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès a la fin du 11e s. *Revue des Études Byzantines*, 1984, vol. 42, pp. 215–224.
45. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*, 2008, vol. 120/2, pp. 307–326.
46. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1960, vol. 84, no. 1, pp. 1–109.
47. Günsenin N. *Les amphores byzantines (X–XIII s.): typologie, production, circulation d'après les collections Turques*. Paris, De L'Université de Paris I Press, 1990, 319 p.
48. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1992, 455 p.
49. Oikonomides N. *Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, Centre National de la recherché scientifique Publ., 1972, 403 p.
50. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? *Byzantina*, 2018, vol. 35, pp. 195–216.
51. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., Kilikoglou V. (Eds.). *Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I*. Oxford, BAR, 2014, pp. 873–883.
52. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 224 p.
53. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. Gelichi S., C. Negrelli C. (Eds.). *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni*. Venice, 2017, pp. 285–310.

Сведения об авторе

Науменко В. Е. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Author information

Naumenko V. E. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.